

18+

Марк Рабинович

Защитники прошлого

Из серии "Пересечение времен"

Марк Рабинович

Защитники прошлого

«Издательские решения»

Рабинович М.

Защитники прошлого / М. Рабинович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538038-8

Третья часть приключений Арье Ковнера в разных временах, начатых в «Пересечении времен» и продолженных в «Переплетении времен». На этот раз он попадает в 1943-й. Он получил непростое задание — уничтожить секретное оружие Вермахта, способное изменить историю. Его ждет воюющая Германия, оккупированные Польша и Украина. А еще ему предстоит встреча со старым знакомым -, которого он убил собственноручно десять веков назад. Но и это не единственный темпоральный парадокс, с которым он столкнется. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-538038-8

© Рабинович М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Историк, история и истории	8
На земле врага	23
Стреляющие кирпичи	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Защитники прошлого

Марк Рабинович

© Марк Рабинович, 2021

ISBN 978-5-0053-8038-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

История, которую вы собираетесь прочитать, началась две повести тому назад, книгой «Пересечение времен». Герои той книги не позволили мне с на этом закончить и так появилось «Переплетение времен». Но я так сроднился с ними, с моими героями, что не в силах с ними расстаться... И вот результат. Если же ты, мой Читатель, еще не читал первые две книги, то тебе будет трудно понять некоторые ссылки на прежние подвиги Арье Ковнера. Чтобы тебе помочь, я составил список персонажей и названий. В том же случае, если первые две книги тебе знакомы, смело перелистни страницу. Итак:

Арье-Лёва-Лев-Лёв Ковнер:

Молодой израильтянин, отправившийся в Киевскую Русь X-го века за своей любовью, с которой познакомился на таинственном сайте «Случайного Соединения». В том мире у Земли два спутника: Луна и Месяц. Повествование ведется от его имени.

Анна-Ингимюнда-Ладислава, дочь Неждана из рода Бравлинов:

Любимая Арье, попавшая в наш XXI-й век с помощью Зеркала (это такой старинный артефакт, и я понятия не имею о принципах его работы).

Неждан, сын Ингваря из рода Бравлинов:

Отец Ани, княжеский сотник, командир заставы на Трубежском броде. Погиб в сражении с протовенграми.

Леший:

Он же Урхо, он же Агвид, спутник Арье в IX-м веке, «лесной варяг» из неведомого угро-финского племени.

Веда:

Ведунья из X-го века. Обладает экстрасенсорными способностями. Было две Веды: одна в X-м веке, а вторая – в конце IX-го. Это то ли две ипостаси одной женщины, то ли родственницы.

Элияху из Муромца:

Командир «спецназа» князя Владимира Киевского, возможно – прообраз былинного богатыря Ильи Муромца.

Соловей:

Изначально – мятежник, противник христианизации Муромщины, в дальнейшем – предводитель банды разбойников – соловьевцев, тайно субсидируемых Владимиром Святым. Возможно именно Соловей был прообразом Соловья-Разбойника.

Тархош из рода Акаши:

Предводитель мадьярских всадников, разбитых под Заворичами.

Эйтан:

Руководитель израильской группы по исследованию Л-энергии (не спрашивайте меня, что это такое, я и сам толком не знаю).

Рош:

Его ведущий специалист. Очень любит поехать. Гениален. Водит антикварный «Майбах».

Виктор:

Программист, сотрудник группы Рои.

Олег (Вещий), он же Хельги:

Тот самый летописный персонаж, получивший бесценный совет от Арье, который, в свою очередь, строго следовал пушкинскому тексту.

Альмош:

Легендарный предводитель, «дьюла», протовенгров.

Конрад Янике, по прозвищу Шарканчи:

Эсэсовский ученый из Аненэрбе, убит Арье в конце IX-го века. Штурмбаннфюрер СС.

Трубеж:

Левый приток Днепра (сам Днепр/Славутич в представлении, я надеюсь, не нуждается).

Усть-Трубеж:

Деревня в устье Трубежа (примерно там, где сейчас город Переяслав), наполовину съеденная птерозаврами Шарканчи в конце IX-го века.

Заворичи:

В наше время – село в Украине, в часе езды от Киева. В X-м веке – застава в виде детинца, защищающая (это не описка – именно «защищающая», а не «защищавшая») брод на реке Трубеж.

Битва при Заворичах:

Сражение с птерозаврами и сопровождающими их протовенграми в современной Украине.

Ковальчуки (Надежда, Богдан, баба Катя), Слоник, Лёшка, Сергей Леонидович:

Друзья Арье из современной Украины, участники «Битвы при Заворичах».

Тех же персонажей, что впервые появляются на страницах этой книги, я представлять не буду. Итак, мой Читатель – смелее вперед.

Историк, история и истории

*Мне предстоит не слишком дальний путь,
Но не найдешь на карте этот край.
За боль разлуки ты не обессудь, не обессудь
Не провожай меня, не провожай!*

Я вернулся домой расстроенный. Разумеется, наша Леся уже большая, ей скоро четыре. Она не расплачется от обиды и, лишь снисходительно улыбнувшись, скажет: «Ну ничего, папка. В следующий раз...» И все же получалось неладно. Конечно, рано или поздно она осознает, что я не всемогущ. Да что там, она уже сейчас начала это понимать, особенно после того, как нам не досталось билетов в цирк шапито, ненадолго посетивший наш город. И все же отец обязан оставаться для дочери символом всемогущества, силы и бесстрашия. Кто, как не отец, отгонит злобно лающую собаку, починит развалившуюся кукольную коляску или найдет закатившийся под шкаф и совершенно необходимый пластиковый шарик. Этому светлому образу сегодня грозил идейный крах, так как в магазинах не оказалось упаковки хрустящих хлопьев с картинками лесных любимых супергероев. Поэтому я возвращался домой в самом минорном настроении.

В дверях меня встречали – как предвидели, а может и на самом деле предвидели. Она посмотрела на меня своими огромными изумрудными глазами, сочувственно покачала головой и мудро промолчала. Сейчас это была Лада, одна из трех ипостасей моей любимой. Я искренне верю, что не только бытие определяет сознание, но и имя человека. У нее целых три имени и мне иногда кажется что три разных женщины делят это прекрасное тело. Отец назвал ее Ингимюндой, мать звала Ладиславой, а поп на Подоле окрестил Анной и все ее имена прекрасно уживаются друг с другом. Моя Аня – главная из трех: энергичная, любящая, страстная и веселая. Что же касается Ингимюнды, то она появляется тогда, когда нам грозит опасность, в особенности – опасность для дочки, истинная или воображаемая. Помнится, что в «Битве при Заворичах» по левую руку от меня неразрывно присутствовала моя Инга с карабином «Тавор» наперевес. Сотник Неждан погиб почти тысячу лет назад у меня на руках и я уверен, что он бы гордился своей дочкой. С тещей я не был знаком, но она всегда представлялась мне мягкой и доброй женщиной. Именно такова Ладислава, которая возникает тогда, когда мне нужна поддержка. Ее я и зову Ладой.

– Папка! – радостно закричала подбежавшая ко мне Леся и гордо добавила – А я описалась!

Мне стало немного полегче: не я один оплошал. Между прочим, в полянском языке нет такого слова – «папа», это Леся нахваталась от бабушки. Воистину, моей дочке порой приходится нелегко, ведь она второй человек в нашем мире, для которого мертвый язык стал родным. В нем, в этом языке, нет и быть не могло таких слов, как «телефон», «компьютер» или «автомобиль». Вот и приходится ей заимствовать слова из других языков. Пока что это в основном русский язык моей мамы, гордо носящей титул «бабуля». Но Леся уже неплохо болтает на иврите и, несомненно, вскоре начнет засорять им свой родной полянский язык. До недавнего времени на полянском могли изъясняться только три человека: Аня, для которой он родной и вовсе не мертвый, ее профессор из Бар-Иланского университета и ваш покорный слуга, нахватавшийся понемногу во время первых двух забросок. Дома мы разговариваем только по-полянски и поэтому Леся стала четвертой в этом коротком списке. Когда они с матерью посмеиваются над моим «скандинавским» произношением, я припоминаю Аняте, как слависты объявили ее язык «пародией на древнеславянский с еврейским акцентом». Но те времена давно прошли. Даже самые твердокаменные консерваторы от лингвистики заподозрили неладное после

«Битвы при Заворичах», когда фотография Ани со злобно закушенной губой (на самом деле это была Ингимюнда) попала в Сеть. На этом снимке она целится из «Тавора» во что-то, оставшееся за кадром, хотя всем прекрасно известно, что именно это было. Конечно, украинские средства массовой информации благоразумно умалчивали об участии израильтян в сражении с птерозаврами. Что же касается знаменитой анютиной речи на площади, в которой она раскрыла заворичанам некоторые поразительные факты своей биографии, то эту речь послушные масс-медиа постарались выставить очередной городской легендой. И все же, полностью замолчать ее участие не удалось. Ковальчуки отказались что-либо подписывать, а тетя Надя не считает нужным сдерживаться в разговорах с соседками или с зачастившими в Заворичи журналистами. Лешка-таксист тоже не умеет держать язык за зубами, правда за пределами села ему все равно мало кто верит. В качестве дымовой завесы заинтересованные государственные структуры активно распространяли версии об участии в сражении инопланетян и тайных адептов еще более тайных религий. Они явно рассчитывали на то, что фиктивная версия, причем, чем фантастичнее, тем лучше, должна нейтрализовать версию реальную. Им это, пожалуй, удалось, хоть и не до конца. Значительно больше помогла делу шумиха вокруг трупов летучих ящеров. Дело в том, что сразу после сражения десятки подстреленных Змеев валялись в огородах, висели на заборах и свисали с крыш домов. Поначалу, сельчане впали в панику, не представляя, как убирать огромные туши и на какие шиши ремонтировать поврежденные строения. Положение спас Слоник, догадавшись продаватьдохлых птерозавров налетевшим со всего света палеонтологам. Он даже пытался организовать аукцион и продавать ящеров на вес, но его пристыдил археолог Сергей Леонидович, в результате чего коммерческие операции Слоника свелись к компенсациям пострадавшим семьям. И хотя роль Анюты в этой истории осталась непонятной подавляющему большинству посетителей Сети, даже для самых упертых славистов стало очевидным, что образ моей любимой уже не лезет в рамки «ненормальной дилетантки с еврейским акцентом». Иногда ее донимают своими каверзными вопросами дотошные журналисты, отловив в коридорах очередной конференции. Тогда она отвечает им по-полянски (вам лучше не знать что именно) и наслаждается их разочарованными физиономиями.

Поэтому в мире лингвистики начали воспринимать мою Аню всерьез, поглядывая на нее с осторожным подозрением, а то и с уважением. Теперь матерые лингвисты слушают ее речи на полянском со значительно меньшим скептицизмом и мою ненаглядную стали все чаще приглашать на конгрессы, игнорируя отсутствие у нее ученой степени. Что бы они сказали, если бы узнали о том, что моя супруга не окончила даже школу низшей ступени? Мы с ней давно подумываем о том, чтобы получить какую-нибудь бумажку из Министерства Образования, но каждый раз не хватает времени. Вначале она была всецело занята новорожденной дочкой, лишь изредка отрываясь на консультации по полянскому для своего профессора. Потом Леся подросла и пошла в садик и теперь Аня уже сама ездит на лингвистические сборища, к великому облегчению профессора. Она долго и основательно готовит очередной доклад, целыми днями пропадая на кафедре, а потом несется то в Аделаиду, то в Сан-Франциско, то в Торжок. Мы с Лесей остаемся вдвоем и время аниного отсутствия делится на две неравные части. Вначале мы наслаждаемся свободой, отваживаясь на то, на что при ее матери ни за что бы не решились. Например, мы выходим вдвоем на паруснике в море и идем на север до водосборников электростанции, чтобы полюбоваться там на акул, резвящихся в теплой воде. Или уходим в поход по какому-нибудь вади с ночевкой на камнях. Так проходит несколько дней и мы начинаем скучать. Наша мама чувствует это каким-то шестым чувством, комкает очередной доклад и приезжает на день или два раньше.

Моя новая работа не отнимает много времени и позволяет иногда побездельничать, посвящая целый день дочке. И все же, в скромном здании на окраине Явне мне приходится бывать довольно часто. Меня снова подписали под разноцветными бумажками и поэтому я не могу рассказывать о том, что творится в лаборатории на втором этаже. А творятся там уди-

вительные вещи. Заброска «вниз» далеко не простое дело и совсем не походит на веселую прогулку. Никаких историков в лабораторию не приглашают, да они все равно не смогли бы пройти через канал. Немногие осведомленные из них и еще более малочисленные – причастные – исходят слюной при одной мысли о путешествии в прошлое, не подозревая что пересечение времен требует колоссальных затрат энергии. Счет за электричество тут вовсе не является критерием, потому что это совсем иной вид энергии, абсолютно иной. Поэтому я никогда не хожу «вниз» если Ани нет в городе. Впрочем, меня забрасывали не так часто, ведь время тоже умеет защищаться от нахальных израильян и не позволяет вторгаться в те века, в которых история идет (именно «идет», а не «шла») своим чередом. Поэтому до сих пор мне удавалось попасть лишь туда, где назревали временные катаклизмы. Если честно, то после «Битвы при Заворичах» я ходил «вниз» лишь дважды и справедливо, как мне кажется, считаю свою работу синекурой. Но моя Аня так не считает, впрочем, так же как и мой начальник, Эйтан. Вот и сегодня вечером он позвонил и потребовал моего присутствия в Явне завтра утром. Завтра у нас должна была начаться суббота, если, конечно, наш физик Рои до утра ничего не натворит с пространством-временем. При моей незначительной загруженности вызов на работу в выходной день не должен был меня смутить. Он и не смутил.

На следующее утро, несясь по полупустым, по случаю субботы, автострадам на юг я вспоминал события последних лет. Главным из них было, разумеется, рождение дочери. Полагаю что в укромной глубине анютино подсознания еще оставалось нечто средневековое, потому что протягивая мне пакет, из которого выглядывало сморщенное личико, она робко улыбалась и с заметным страхом глядела на меня. Действительно, тогда, на средневековой киевщине, она обещала мне родить сына и прошедшие десять веков не отменили древней клятвы. Я взял дочь на руки и Аня сразу успокоилась, наверное увидела на моем лице все что ей было нужно.

Команду Эйтана тоже затронули изменения. Афера, которая несколько лет назад началась как чисто израильская группа по изучению никому тогда неизвестной Л-энергии, превратилась в последнее время в то, что мы с Виктором в шутку называем «международным комитетом по охране будущего от прошлого». Действительно, после сражения в Заворичах, скрывать деятельность эйтановской группы стало трудно, почти невозможно. Постепенно, в здании на окраине начали появляться разнообразные и, порой, подозрительные персонажи, большинство из которых не допускались в лабораторию на втором этаже. Некоторые из них не говорили ни на одном из известных мне языков и вызывали многочисленные вопросы, если не подозрения. Да и в самой лаборатории начали возникать таинственные стажеры, не всегда достаточно хорошо говорящие по-английски и не знающие ни слова на иврите. Было очевидно, что наш «комитет» из сугубо местной конторы превратился в международную. Неизменным оставался только Рои во главе исследовательского отдела и Эйтан во главе всего предприятия.

Вот и сейчас в маленьком кабинете Эйтана на гостевом стуле сидел незнакомый субъект, улыбаясь мне скупой европейской улыбкой. Я осторожно поприветствовал обоих, ни к кому конкретно не обращаясь, и уселся на второй гостевой стул, вопросительно уставившись на Эйтана.

– Арье, познакомься пожалуйста с доктором Янике из Австрии.

Это было неожиданно, как удар в поддых. Я вскочил со стула и уставился на австрийца. Фамилия Янике была мне слишком хорошо памятна, ведь с одним доктором Янике я уже встречался одиннадцать веков назад. Тогда наше знакомство закончилось тем, что я свернул ему шею, не испытав при этом никаких отрицательных эмоций, и сейчас мне непроизвольно захотелось сделать то-же самое. Но австриец оказался, разумеется, совершенно другим человеком. Парадоксальным образом, он одновременно и чем-то напоминал хорошо памятного мне Шарканчи и, в тоже время, разительно от него отличался. Новый доктор Янике был несомненно европейцем и все же Имперское Управление по расовым вопросам могло бы в свое время предъявить ему пару претензий. Его физиономия, пожалуй, не так уж сильно отличалась

от нордических стандартов и все же было ней нечто неуловимо средиземноморское. Новоявленный экземпляр Янике был темно-рус, с лицом то-ли аккуратно сожженным южным солнцем, то-ли с естественным оливковым отливом потомка Селевкидов. Был он, если и старше меня, то ненамного. Ишь ты, уже доктор, не то что некоторые. Но, кажется, пауза затянулась.

– Где-то я уже слышал эту фамилию! – пробормотал я.

Эйтан произвольно хмыкнул, а австриец криво усмехнулся: было похоже, что кто-то уже посвятил его в историю моих взаимоотношений с верховным жрецом Хадура. Я даже подозревал кто это был, но Эйтан сделал такое невозмутимое лицо, что лучше было не нарываться. Австриец посмотрел на меня, как будто ожидая подобной реакции.

– Подозреваю, что это был мой прадед – спокойно сказал он и добавил – Не буду утверждать, что горжусь своим предком.

– Родителей не выбирают – неуверенно озвучил я очевидную банальность.

– Если бы мне и пришлось выбирать, то я выбрал бы тех же самых – неожиданно твердо заявил Янике – Мой отец погиб разминировав школу в Мозамбике.

Стало очевидно, что это яблоко откатилось весьма далеко от нацистской яблони. Но что ему здесь нужно? Скорее всего, он привез очередной запрос на заброску «вниз». В последний год, по мере того как наша группа понемногу становилась «широко известной в узких кругах», такие запросы начали приходить все чаще и чаще. Они поступали и продолжают поступать из самых разнообразных источников. Тут и заманчивые предложения изменить результат Мундиала и попытки предотвратить Великую Депрессию и даже частное, но очень щедрое предложение соблазнить бабушку Билла Гейтса в ее девичестве дабы не допустить возникновения Майкрософта. Разумеется, не обходят нас вниманием и многочисленные христианские организации, сулящие немерянные суммы и отпущение всех прошлых и будущих грехов за спасение Христа или даже за убийство всех членов Синедриона. Немногословные представители спецслужб тоже обещают невнятные блага, хотя, как правило, и нематериальные, но, тем не менее, великой ценности. Как-то раз, например, нас попросили (по английски, но с очень знакомым акцентом) переиграть итоги Потсдамской конференции. За это нам была обещана продолжительная и изнурительная гражданская война на территории одного из завистливо косящихся на нас и бряцающих оружием соседей. На все эти запросы Эйтан отвечал и отвечает решительным отказом со свойственной ему категоричностью и с несвойственной ему вежливостью. Но австриец с неприятной фамилией, хоть и сидел несколько напряженно на своем стуле, игнорируя остывающий кофе, но уходить явно не собирался. Было похоже, что мне предстоит очередная заброска. Эйтан подтвердил мои подозрения, спросив:

– Ханна дома?

Как будто бы он сам не знает? Было совершенно ясно, однако, почему он спрашивает, поэтому я только пожал плечами и спросил:

– Куда?

– Еще не совсем понятно. Скорее всего – Украина!

Поначалу, у меня отлегло от сердца. Украина. Там говорили по-русски или почти по-русски и я знал эти места и этих людей. У меня были там друзья и в наше время и в средневековье. Но, постойте, граждане... Он же сказал «Украина», а ведь в средневековье такой страны еще не существовало. Стараясь не давать волю нехорошим предчувствиям я поинтересовался:

– В когда?

Боюсь, что это прозвучало грамматически некорректно, но путешествия «вниз» способны были поставить дыбом семантику любого языка. Согласитесь сами, что фразы, вроде «мы с ним познакомились в следующем году», звучат несколько неоднозначно в устах таких как я... Эйтан посмотрел на гостя, тот на Эйтана. Оба явно предпочитали не озвучивать зловещую дату и мне стало нехорошо.

– В недалеко – неохотно сказал Эйтан.

Это было уже совсем плохо. Из хитрых расчетов толстяка Рои выходило что не слишком катастрофические изменения реальности в прошлом затихают с веками и чем дальше, тем меньше ощущаются, даже если и не исчезают совсем. Еще в свой первый заброс я неосторожно написал письмо за неграмотных киевских евреев с целью собрать деньги для выкупа некоего Иакова бар Хануки. Письмо это и сейчас хранится в Кембридже, служа мне неммым упреком и напоминанием не делать резких движений во время нахождения «внизу». К счастью, на нашу реальность эта моя шалость существенно не повлияла, потому что она, эта реальность, умеет защитит себя от наглых израильтян. То же самое касается пары-тройки других моих неосторожных поступков в прошлом: внедрение в славянские языки никогда не существовавших лингвистических конструкций, почерпнутых мной из плохих исторических фильмов, намеки Вещему Олегу, изобретение медицинских банок и кое-что другое. Неизменно-сти нашей реальности способствовало то, что мои сомнительные подвиги происходили много веков назад и эта самая реальность успела с ними разобраться. Совсем иное дело, если меня отправят не в столь давнюю эпоху. Однако, пока что я представлял себе это чисто теоретически, так как не спускался ближе десяти веков. Наверное, в недалеком прошлом мне придется лелеять бабочек, не писать писем, не спасать людей и, вообще, трижды обдумывать каждый чих. А что если меня пошлют в позавчерашний (в буквальном смысле) день? Что, если я встречу там себя самого, приревную его к Аниуте и настучу ему по наглой роже? Хотя, вроде бы, Рои объяснил что это невозможно. Его научных выкладок я не понял, впрочем их вообще никто и никогда не понимал, но, если верить нашему толстяку, то получалось, что чем ближе к нам точка заброса, тем сильнее «упирается» время, сопротивляясь вторжению наглых Ковнеров. Поэтому попасть на пятьдесят-сто лет назад намного сложнее, чем в X-й век, а попасть в позавчерашний день попросту невозможно.

– А точнее? – потребовал я.

– 43-й год – нехотя сказал Эйтан и, в ответ на мою профессионально поднятую бровь, уточнил, произнеся почти-что по слогам – Одна тысяча девятьсот сорок третий.

Это был не слишком хороший год... Я не отношусь к тем «знатокам» истории, которые искренне считают, что во Второй Мировой войне Антанта сражалась с Наполеоном. В отличие от них, я-то знал кое-что про ту войну Поэтому мне меньше всего хотелось ползать по лесам, скрываясь одновременно от партизан, бандеровцев, немцев и Красной Армии. Ни от кого из них я не ожидал ничего хорошего для себя. Но у моего начальника, а может и у австрийца, была, надо полагать, дополнительная информация. Через пару минут Эйтан справился (довольно легко) с угрызениями совести в отношении меня и заговорил. А поведал он весьма, надо признаться, занимательную историю.

Оказывается, жил в те годы в Германии персонаж по имени Эберхард, доктор Георг Эберхард. Был этот доктор не то ученым, не то путешественником, специалистом по Тибету и другом знаменитого Генриха Харрера¹. Но самое интересно, что он каким-то образом оказался владельцем того, что весьма напоминало хорошо известное мне Зеркало Веды. Не подозревая о том, что сам он давно умер, герр Эберхард умудрился «воззвать» к Зеркалу и выйти на связь с нашей командой. Не совсем понятно, за кого он нас принял, особенно учитывая то, что ни Эйтан, ни даже болтливый Рои ничего ему толком не рассказали.

В последующие часы я просматривал запись разговора Эйтана с немецким доктором. Точнее, просматривал-то я перевод, потому что неожиданно выяснилось, что Эйтан неплохо говорит по-немецки. И вот что я прочел:

Рои в лаборатории, Эберхард на экране.

Эберхард: (по-немецки) Вы меня видите? Кто вы?

Рои: (по-английски) Вы говорите по-английски?

¹ Австрийский альпинист (см. «Семь лет в Тибете»).

Эберхард: (по-английски) Кто вы? Англичанин? Американец?

Рои: (после паузы) Это так важно?

Эберхард: (нервно) Не знаю... Наверное, не важно... Послушайте! Мне нужна помощь! Нам всем нужна помощь! Боже мой! Да всему миру нужна помощь!

Это похоже на истерику, но внезапно он замолкает и подозрительно смотрит на Рои.

Эберхард: А может быть вы из Гестапо? Ваш английский явно не родной. Кто вы?

Появляется Эйтан.

Эберхард: Говорите же! Говорите! Вы из Гестапо? Или из СД?

Эйтан: (на иврите) Попай, отойди в сторону и не отсвечивай!

Эберхард: (по-английски) Что? Это еще что за язык?

Дальнейший разговор ведется по-немецки.

Эйтан: Давайте лучше поговорим на вашем родном языке. А вот для меня он как раз не родной, как вы можете слышать. Может быть это вас успокоит?

Эберхард: Ну, не знаю... А впрочем... Что я теряю?

Эйтан: Абсолютно ничего. Так что у вас стряслось?

Эберхард: (кричит) Все стряслось, абсолютно все! Они уничтожат этот мир своими машинами. Это моя вина, моя! Но я же не знал! Я не знал!

Эйтан: А вот истерику стоит прекратить.

Эберхард: (кричит) Что прекратить? Что? А кто прекратит массовые убийства? Кто прекратит геноцид?

Эйтан: (орет) Молчать!

Эберхард изумленно смотрит на него и замолкает.

Эйтан: Какой славный язык этот ваш немецкий. Такой категоричный.

С этого момента разговор приобретает менее эмоциональный и более информативный характер. И все же нам удалось узнать не так уж много. Эберхард утверждал, что еще в 1939-м году Тибетская экспедиция обнаружила в районе Шигадзе древние летательные аппараты, скрытые в потайной пещере. Про эту экспедицию в Сети ходили самые противоречивые слухи. Одни с пеной у рта утверждали, что эсэсовские отряды Шефера² искали и нашли магические артефакты, позволившие впоследствии Гитлеру захватить Европу. Другие же с не меньшим энтузиазмом обвиняли первых в погоне за дешевыми сенсациями и утверждали что немцы не привезли из Тибета ничего, кроме нескольких облезлых шкур яков. У сторонников теории конспирации не было, разумеется, никаких серьезных доказательств. Их противникам, в свою очередь, никак не удавалось объяснить, зачем готовящаяся к войне страна финансировала недешевый поход за сомнительными трофеями. Смущала также завеса секретности вокруг этого мероприятия и тот факт что все без исключения его участники были эсэсовцами. И вот теперь давно умерший немец рассказывает про найденные той экспедицией таинственные машины. У него сейчас начинался 43-й год XX-го века, переломный год большой войны. Что же происходило в это время на фронтах, полыхающих в Европе, Азии, Африке и Океании? Кое-что я знал. И так, февраль 1943-го. В Африке из последних сил огрызается «Лис пустыни» Роммель, на Тихом океане завершается битва за Гуадалканал, останавливая японскую экспансию, а в ставке Гитлера под Винницей готовят операцию «Цитадель», последнюю инициативу Вермахта на Восточном фронте. Эберхард был осведомлен не хуже меня и, даже не зная итогов битвы на Курской дуге, понимал, что это начало конца. Понимал это не он один. Возможно, сам Гитлер многого еще не осознал и ему поддакивали вояки Вермахта, по старинной прусской традиции не интересуясь политикой или делая вид что не интересуются. Зато кое-что не то понимали, не то чувствовали другие, более реалистичные нацисты. Они-то, по утверждению Эберхарда, и собирались вытащить последнюю карту из своего не слишком чистого рукава.

² Эрнст Шефер, руководитель Тибетской Экспедиции, штурмбаннфюрер СС.

С трудом сдерживая панику, он доказывал что эти древние аппараты и оружие, которое они несут, способны переломить ход войны. Наверное, соглашался он, Германия все равно будет повержена, но количество жертв будет ужасно, война продлится еще долгие годы и человечество никогда не оправится от ее последствий.

Это звучало как очередной темпоральный бред, но я пару раз уже сталкивался с таким «внизу» и чувствовал пятой точкой что, по меткому выражению Винни-Пуха, «это ж-ж-ж неспроста». Кроме того, Рои произвел туманные расчеты, основанные на настолько засекреченных замерах, что даже я почти ничего не знаю о них, кроме самого факта их существования. Так вот, эти расчеты показали, что в 1943-м действительно назревает (не говорите «назревал», это технически некорректно) очередной темпоральный катаклизм. А где катаклизм, там и ваш покорный слуга. Не случайно ведь, с подачи программиста Виктора, меня за глаза, а иногда и в глаза, называют «клизмой для катаклизма». Хорошо хоть, что не все в лаборатории знают русский, а на иврит этот сомнительный каламбур, к счастью, не переводится.

Короче, Эберхард потребовал помощи и согласился принять наш десант. Кем он посчитал Эйтана и Рои? Это было неясно и они предположили, что немец считает их агентами англо-американских спецслужб. Спросить его они не сообразили, а теперь было поздно, потому что он молчал. После первого сеанса он выходил на связь всего лишь еще один раз, мотивируя это тем что за ним следят. Была ли это паранойя?

– Не уверен – сказал австриец – В те времена Гестапо и СД весьма преуспели в тотальной слежке.

Интересно, откуда он это знает? Наверное, вопрос читался на моем лице, потому что он немедленно ответил:

– Я историк, специализируюсь по германской истории. Двадцатый век, Третий Рейх.

Я взглянул на него повнимательней. Янике-младший, если и был старше меня, то совсем ненамного. В истории Германии было много интересного. Здесь и Крестовые походы, Тевтонский орден, Мартин Лютер, Фридрих Великий, наполеоновские войны, Бисмарк. Чего только не происходило в лесах между Одером и Рейном. Какой восхитительный простор для историка. Так нет же, ему понадобился именно Третий Рейх, нацистская Германия.

– Нет, я не мазохист – улыбнулся австриец.

Он что, мысли читает?

– Кстати, если не вы против... – он еще раз улыбнулся – Меня зовут Карстен.

Ну и прекрасно, мое имя он уже знает и я попросту кивнул, изобразив кривоватую улыбку. Интересно, что бы по этому поводу сказал его прадед? А, да ну его в болото! Как бы то ни было, мне следовало готовиться к заброске. Это, в свою очередь, предполагало безвылазное сидение в сети и короткие вылазки из нее для консультации с ничего не подозревающими специалистами. Хотя, в данном случае подходящий специалист был уже здесь. Тем лучше, потому что подготовку не следовало затягивать, впрочем, сие было совсем неочевидно несведущему человеку. Казалось бы, не все ли равно, забросят ли меня завтра или через год, ведь я все равно попаду в то же самое место на оси времени. Но Рои считал, что взаимоотношения времен намного сложнее, чем нам кажется. По его расчетам, расщепления реальности, которые мы называли катаклизмами, были в чем-то подобны «Шредингеровскому коту»: единожды обнаружив их, мы невольно запускаем некий механизм, «вклинивающий» такой катаклизм в нашу реальность. Чем больше времени проходит после обнаружения неприятности, тем глубже она вклинивается в реальность и тем сложнее, если и вообще возможно, ее устранить. Разумеется, наш физик приводил убедительные доказательства, вот только их никто не понимал. Но толстяку мы верили, поэтому медлить не следовало.

– Георг Эберхард, студенческое прозвище – Кабан Юрген³ – начал австриец.

³ Eber (нем.) – кабан, Jurgen – производное от «Георг»

Говорил он, разумеется, по-английски, поэтому эту игру слов ему пришлось объяснить.

– Ни в архивах, ни в Сети нет никаких сведений о необычном коммуникационном приборе – так Карстен назвал Зеркало – Так как вы подозреваете, что такой прибор не мог быть создан с помощью конвенциональных на то время технологий...

– Карстен, а нельзя ли не столь занудно? – нагло перебил его я.

Эйтан, незаметно для австрийца, подмигнул мне.

– Можно – в серых глазах австрийца зажглись веселые огоньки.

Это неожиданно напомнило мне такие же серые глаза верховного жреца и удивление в этих глазах перед тем, как я его убил.

– Итак – торжественно объявил Карстен, искоса поглядев на меня – Эта хрень была создана неизвестно когда и неизвестно кем.

Новый Янике начинал мне нравиться. Эйтан тоже одобрительно кивнул.

– Но наш Кабан не возник из ничего, про него еще кое что известно, помимо имени и студенческой клички. Он родился в ноябре 1901 года в Потсдаме, там же окончил гимназию, а потом и Гейдельбергский университет по специальности «археология». Немаловажно отметить, что в те же годы там учился небезызвестный Отто Ран и, полагаю, они были хорошо знакомы. Похоже, они поддерживали знакомство на очень серьезном уровне, по крайней мере если судить по номерам их эсэсовских удостоверений. Если верить архивам, то эти два номера различаются только последними знаками. О чем это нам говорит?

Последовала пауза профессионального лектора. Он требовательно посмотрел на нас с Эйтаном, не дождался никакой реакции и продолжил:

– Очень любопытная фигура, этот Отто Ран. Говорят, он был просто помешан на катарском наследии. До 1932 года он роется в катарских развалинах вокруг Монсегюра и вдруг, ни с того ни с сего, французские власти обвиняют его в шпионаже и выдворяют из страны. Современники утверждают, что Ран искал Чашу Грааля... А что он нашел на самом деле? И что именно произошло во время Исландской экспедиции 1937-го года, в которой он участвовал? Кстати, наш общий друг, герр Эберхард, тоже числится в списках той экспедиции. Любопытное совпадение, не правда ли? Интересно, что после Исландии Ран попадает в опалу и его даже посылают в Дахау в качестве своего рода ссылки. Нет, не в бараки, разумеется, ведь он все еще член СС, а в качестве обслуживающего персонала. Но и этого оказывается для него достаточно и Ран покидает ряды СС. Вы представляете какое нужно мужество, чтобы официально выйти из СС? Еще до этого он был замечен в слишком вольных разговорах с иностранными коллегами и критических высказываниях о режиме. Неудивительно, что в марте 1939-го его нашли замерзшим насмерть в горах Тироля. Но нас больше интересует исландская экспедиция. Мне удалось нарыть в одном из архивов упоминание о происшествии в Гренландии, в котором погиб некто Хайнц Дункле. Запись в архиве намекает, не обвиняя в этом напрямую, что виновником, если не организатором смерти Дункле, является Отто Ран. Естественно, возникают многочисленные вопросы. Если Отто действительно был замешан, то зачем ему убивать своего напарника? Не пытался ли он скрыть нечто, чем не хотел делиться с другими эсэсовцами? Как именно погиб Дункле? Где был при этом наш Кабан? И, вообще, как исландская экспедиция оказалась в Гренландии?

Австриец обвел нас вопрошающим взглядом, как будто на самом деле ожидал, что мы раскроем перед ним все исландские и гренландские тайны. Думаю, он просто по-профессорски наслаждался своей властью над нашей скромной аудиторией. По-видимому, то что он увидел, его удовлетворило: рассказ прозвучал достаточно интригующе.

– Может быть наш друг Кабан сможет ответить на эти вопросы? – он хитро, по-ленински, прищурился – К сожалению, доктор Эберхард не рвется выходить на связь.

– Если Кабан не идет к еврею, то может еврею стоит пойти к Кабану?

Любого мусульманского правоведа (впрочем, раввина – тоже) такая аллюзия должна была привести в ужас, но, к счастью, кощунственную фразу Эйтана услышали только мы с австрийцем. Янике только неопределенно усмехнулся, а мне мгновенно подумалось, что нацистская Германия – не самое подходящее место для еврея. Я хотел было высказаться по этому поводу со всей своей израильской прямоотой, но тут Эйтан предупреждающе поднял руку, поднялся из-за стола и подошел к окну.

– У нас проблемы – мрачно сказал он, выглянув в окно.

Мы с австрийцем тоже взглянули на улицу. Теперь лицо доктора выражало недоумение, а вот мне как раз все было предельно ясно: во дворе нервно парковалось хорошо знакомое мне оранжевое «Пежо». Что привело Аню сюда именно сегодня? Хотя я и не езжу в Явне каждый божий день (и слава Всевышнему, потому что тель-авивские пробки в буден день – испытание не для слабонервного), но все же меня довольно часто вызывают на работу и, по субботам, в том числе. Иногда мое присутствие требуется, чтобы объяснить дотошному историку разницу между огузскими и печенегскими берегами, описать как была подстрижена борода князя Владимира, или набросать покрой платья царицы Эстер. Порой же я должен всего лишь появиться пред светлы очи очередного чиновника, местного или ООН-овского, которому Эйтан уже описал в завуалированной форме мои подвиги в тех местах и временах, в которых я никогда не был. В этом случае от меня требовалось многозначительно пожимать плечами в нужных местах и не болтать лишнего. Бывало и так, что Виктор или Рои консультировались со мной как с единственным пользователем их программного обеспечения. До сих пор все это не вызывало у Ани немедленного желания примчаться мне на помощь. Чем же эта суббота отличалась от иных суббот? Не сомневаюсь, что для моей любимой разница была ощутима, хотя, возможно, лишь на подсознательном уровне, и именно поэтому она оставила Лесю с бабушкой и понеслась в Явне. Я ее понимал...

У других мужья уходят утром в офис, а вечером открывают дверь и целуют жену в уютно подставленную макушку или нетерпеливо приоткрытые губы. У некоторых любимые отправляются в экспедицию или в дальнее плавание, но и эти рано или поздно откроют дверь и заполнят пустоту в груди. А что делать женщине, когда ее мужчина и отец ее дочери отправляется далеко вниз по оси времени? Тогда очень и очень нелегко оставаться спокойной, особенно если ты знакома не понаслышке с простыми, как хозяйственное мыло, нравами средневековья. Там ведь опасно, там могут и копьем пырнуть, просто так, шутки ради. А ведь есть же времена и более глухие, чем раннее киевское средневековье. Именно «есть», а не «были», иначе запросто можно и сойти с ума, попадая в то место, которого давно уже нет в твоём мире. Тут поневоле начнешь признавать озвученную Ведой и Рои концепцию одновременности прошлого, настоящего и будущего. Но разве это может успокоить мою Аню, когда я отправляюсь в такую древность, которая была «незапамятными временами» уже к моменту ее рождения? Ведь в тех темпоральных далях самым распространенным проявлением гостеприимства по отношению к чужеземцу было немедленное его обращение в рабство и один раз я уже это испытал, еще задолго до начала нашей эры. Вот и теперь ее привели сюда, возможно и смутные, но отнюдь не слабые предчувствия.

Моя любимая ворвалась в кабинет Эйтана грозная, как все природные катастрофы вместе взятые. Эйтан, который был с ней хорошо знаком, сразу это почувствовал и у него нервно заходили желваки на скулах. Он попробовал было что-то сказать, но моя супруга его опередила.

– Куда? – требовательно спросила она вместо приветствия.

Сейчас это была, конечно же, Ингимюнда.

– И в когда?

Моя единственная невольно цитировала меня. При этом обращалась она только к Эйтану, игнорируя меня и, по видимому, вовсе не замечая австрийца.

– Украина? – удивилась она услышав ответ Эйтана.

В ее время такой стране не существовало, но в современной Украине ей довелось побывать. Впрочем, в 1943-м Украины тоже не было, это был Советский Союз.

– 1943-й? – возмутилась она – Да вы все тут с ума посходили! Нет, никуда он не пойдет.

На меня она по-прежнему не смотрела, а Янике разумно молчал и как-то скукожился, наверное – мечтая исчезнуть. Где-то за стеной кабинета, в лаборатории, истошно взвыли зуммеры, сигнализируя о вылетевших предохранителях..

– Прекрати, Ханна – скривился Эйтан – Так ты нам всю аппаратуру спалишь.

– Гори оно все синим пламенем! – проворчала Ингмюнда по-русски, немного остывая и стремительно становясь Анютой.

И тут только я сообразил...

– Позвольте! – я перешел на английский – Почему Украина? И что там делает наш доктор?

– Может быть мы его недостаточно хорошо поняли – вмешался австриец и Аня впервые обратила на него внимание – Но только он все время упоминает Винницу. А ведь это Украина, верно?

Аня за последние годы неплохо овладела английским и явно понимала все или почти все из объяснений австрийца. Мы все трое молча кивнули, хотя я сомневался что Эйтан знает, где находится Винница.

– Так вот – продолжил Янике – Под Винницей находилась ставка Гитлера, «Вервольф».

«Находится», мысленно поправил его я. Мне уже следовало настраиваться на заброску и пора было рассуждать так, как будто я уже «внизу».

– Наверное, Эберхард именно это имел ввиду.

– Винница или Ница, но так близко я его не пущу – заявила Аня.

Вот они, парадоксы времени... Жена моряка мечтает, чтобы он отправился в каботажное плавание, если, разумеется, она любящая жена. Жена космонавта мечтает о низкой орбите для него. Жена шахтера надеется на не слишком глубокую выработку. А вот моей любимой спокойней, когда я спускаюсь на пару тысяч лет вниз и чем дальше, тем спокойней, хотя я и не рвусь в каменный век. Она убеждена, что тем ниже я ухожу, тем легче меня вытягивать. Как она пришла к такому выводу, остается загадкой даже для Рои, но я подкоркой чувствую ее правоту.

Эйтан молчал, я тоже, и тогда она присела на краешек стула и беспомощно пролепетала:

– Как же он там будет совсем один? И война кругом...

...Когда Аня появилась в нашем мире и начала узнавать его реалии, мне предстояло заполнить десять веков истории, которые она пропустила. Откровенно говоря, я побаивался... Конечно, во все века проливалось немало крови, но орудия убийства изменились. В ее времена сражались мечами, копьями, а то и дубинами. А тут тебе и пушки, и пулеметы, и авиабомбы да ракеты, в том числе и с термоядерной боеголовкой. Количество жертв в теперешних войнах уже исчислялось миллионами, а разрушенные города не были чем-то необычным. Но, вроде бы, обошлось. Нельзя сказать, конечно, что кинокадры мировых войн она просмотрела совсем уж спокойно. Были и расширенные в испуге глаза, были и побелевшие костяшки пальцев на подлокотнике кресла, были и слезы. Но шока не было. Она заметила мое волнение и тихо сказала: «Война была омерзительной всегда, изменились лишь средства». Потом она подумала и добавила: «Зато теперь можно не видеть глаза человека, которого ты убиваешь...» Я вспомнил убитых мною на средневековой киевщине соловьевцев и свои ощущения после этого. Не знаю, было бы мне легче, если бы я видел их только в прицел винтовки? В общем, Аня неплохо представляла себе Вторую Мировую.

– Я пойду вместе с Арье – заявил вдруг Янике-младший.

Это прозвучало настолько неожиданно, что у нас отнялся дар речи. Первым опомнился Эйтан.

– Это очень опасно – осторожно сказал он – Как вы планируете вернуться?

– Так же как и Арье – удивленно сказал Карстен – Он же возвращается.

– А вы знаете, как именно он возвращается? – спросил Эйтан.

Этого не знал никто за пределами нашей лаборатории и не только из-за завесы секретности. Я подозреваю, что даже Рои, при всей своей болтливости, не решится озвучить идею Л-энергии, справедливо опасаясь насмешек ученого сообщества. По его утверждению, физики были еще консервативнее лингвистов.

– Вы не сможете вернуться так, как Арье – категорически заявил Эйтан – Скорее всего, вы не сможете вернуться совсем.

Австриец задумался.

– Я все равно должен пойти – решительно сказал он – Арье пропадет там один без знания немецкого и без знания реалий того времени.

Что-то еще явно было недосказано. И мы с Аней и Эйтан это почувствовали и вопросительно уставились на Янике. Он смущенно пожал плечами.

– Ну... Как вам сказать... – промямлил он и закончил неуверенно – Наверное, это мой долг, что ли? Как историка и... как немца.

Похоже было, что он стесняется пафоса этих слов. Так вот оно что! Пресловутое чувство вины! Нашему поколению это уже не знакомо, а ведь еще моя мама вздрагивала при слове «немец» и ее сверстники играли в «наших и немцев». Прошу заметить, не «фашистов», а именно «немцев». Мы не стали напоминать ему, что он не совсем немец, даже совсем не немец: наверное это было сейчас неважно. Аня подошла и молча поцеловала его в щеку, заставив покраснеть. А меня легонько, совсем почти незаметно, кольнула ревность. И только тут я сообразил, что австриец говорит на иврите. Это был тот еще иврит, с жутким акцентом и с коверканием слов всюду где это только возможно. Но все же это был вполне понятный иврит, а жуткими акцентами в нашей стране трудно кого-то напугать. Мы с Аней недоуменно уставились на него. Австриец пожал плечами:

– Я около года прожил в кибуце Алоним как волонтер: собирал авокадо и работал в курятнике. А что, я так плохо говорю на вашем языке?

– Нет, вовсе неплохо – машинально ответил я, думая о другом.

По моему, Эйтан втайне наслаждался моей растерянностью.

– Все, на сегодня хватит – сказал он – Вам нужно еще готовиться к заброске.

При слове «заброска», Аня, которую я обнимал за талию, заметно вздрогнула.

– Вы поедете через Тель-Авив? – спросил Янике – Можете меня подбросить?

Я кивнул. Этот историк сумел меня заинтриговать, хотя я и не смог бы объяснить, что такого таинственного в том, что немец или австриец был волонтером в кибуце или в том, что историк рвется в изучаемое им прошлое. И все же было во всем этом нечто загадочное. По крайней мере так мне подсказывало предчувствие, а своим предчувствиям я привык доверять.

...Оранжевое «Пежо» мы оставили в Явне и ехали сейчас втроем в моем верном «Хендае». Ашдодское шоссе в сторону севера было полупустым по случаю раннего субботнего часа: семьи с детьми еще не начали возвращаться домой из загородных прогулок. Даже на огромной развязке Ганот не было обычных пробок.

– Тебе куда? – спросил я Карстена.

– У меня встреча в Яффо – ответил он и, после некоторого колебания, предложил – Хотите со мной?

– А это удобно? – осторожно спросила Аня, но было заметно, что ее разбирает любопытство.

– Вполне – ответил он – К тому же, нам с Арье надо начать притираться друг к другу. Потому что... Ну вы же понимаете.

Я понимал, Аня тоже. Мне вскоре предстояло попасть туда, где единственный, кому я смогу довериться, будет этот немец... Этот потомок нацистов и антисемитов, собиравший авокадо в Галилее и говорящий на иврите. Правда, он не немец, а австриец. Тут я вспомнил, что Гитлер тоже был австрийцем и мне стало муторно на душе. Со мной такое бывает время от времени, как правило – от растерянности. Аня, разумеется, что-то почувствовала и прикрыла своей мягкой лапкой мою руку на руле.

В Яффо было негде яблоку упасть: орды туристов рвались в порт и в старый город, но блошинный рынок, к счастью, был закрыт по случаю субботы. Поэтому мне удалось запарковаться в переулке под дверью запертого на выходные гаража. Мы поплелись за Карстеном, который неуверенно свернул за угол, потом за другой, проверил что-то на своем телефоне и через пару минут вывел нас к скромному кафе. За одним из трех круглых пластмассовых столиков «под мрамор» сидела женщина, нервно вертя в пальцах левой руки незажженную сигарету. Правой рукой она также нервно помешивала ложечкой свой «капучино».

– Извини, Майя – сказал Карстен – Мы немного опоздали.

– Я заметила – ответила женщина – Это жизнь в Израиле плохо на тебя повлияла. Нет чтобы научиться чемунибудь хорошему... Ну здравствуй, Янике.

Они обнялись, а я присмотрелся к Майе. Она выглядела типичной израильтянкой со слегка грубоватым обветренным лицом выходца из сельской местности. Во всем остальном Майя напоминала некую усредненную жительницу Тель-Авива, которые за последние десятилетия стали все больше походить на обитательниц Вены, Рима или Мадрида. Длинное светло-серое дизайнерское платье сидело на ней идеально, а прическа в стиле «каре» делала честь салону красоты в котором была выполнена. Черная туфелька на небрежно покачивающейся левой ноге показывала острый модный носок из-под платья. Пестрый неброский шарфик удачно прикрывал шею, на которой могли бы обнаружиться и морщины, так как Майя была, похоже, лет на десять старше Карстена.

– Это Арье и Анна – представил нас австриец – Познакомьтесь с Майей Тайеб.

– В девичестве – Белобржецкая – строго подчеркнула Майя – Моим дедом был Карстен Белобржецкий.

Видя наше вежливое недоумение, она поначалу чопорно поджала губы, но тут же развехалась в широкой израильской улыбке:

– Ну вы и даете! Это же знаменитый Карстен Белобржецкий. Нашего Карстена назвали в его честь.

Чем этот Белобржецкий был знаменит, мы с Аней так и не узнали, а спрашивать было неудобно. Наверное, на наших лицах читались многочисленные вопросы и Майя ответила на один из них:

– Наши семьи, Белобржецких и Янике связаны между собой практически родственными узами, хотя и не кровными.

– Еще не хватало, чтобы эсэсовцы были связаны с евреями кровными узами – проворчал Карстен.

– Это ты сейчас о чьей чистоте крови печешься? – ехидно спросила Майя.

При этом она мягко прижала своей ладонью ладонь Карстена. Австриец усмехнулся:

– Не надо было тебе рассказывать про моего прадеда. Теперь ты мне всю плешь проешь.

– С твоей шевелюрой тебе это не грозит. Вот что значит – арийская кровь.

– Перестань, Майка, ты нарываешься. Может ты дашь, наконец, людям есть.

Было похоже на то что между ними действительно было родство, если даже и не кровное. Когда мы с трудом разместились за маленьким столиком и заказали себе кофе, Карстен спросил:

– Ты принесла то что я просил?

Майя пожала плечами:

– Принесла... Только зачем тебе? Ты же ее уже видел... Если хочешь, я ее оцифрую и пришлю тебе.

– Может быть... Попозже... А пока что, просто покажи.

Майя еще раз пожала плечами и достала из сумочки коричневый конверт. Потом она осторожно, двумя пальцами, вытащила из конверта его содержимое и протянула Карстену. Это была старая фотокарточка с потеками желто-коричневых пятен спускающихся с торцов на тыльную сторону, ту что была видна нам с Аней. Изображение же было повернуто к Карстену и мы его не видели. Но это была именно старая фотография, подобная тем, что моя мама хранит в старинном альбоме. Мне до него не разрешается дотрагиваться и приходится довольствоваться оцифрованными копиями. А вот Лесе, почему-то, позволено перебирать листы этого альбома и иногда я даже немного, совсем немного, обижаюсь.

Я внимательно смотрел на Карстена и заметил как он, с трудом сдерживая нетерпение, осторожно взял фотографию и впился в нее глазами. Прошла минута, пошла вторая, а может и третья, а он все никак не мог оторвать взгляд от того, что было от меня скрыто. Что же он там увидел? И как это связано, если связано, с тем что нам предстоит в ближайшие дни? Майя кашлянула раз, кашлянула другой и тогда, наконец, он поднял голову, посмотрел на меня, поколебался какое-то мгновение и протянул мне фотографию. Я взял ее так же осторожно, как и он. Аня дышала мне в ухо, заглядывая через плечо. Конечно, она был выцветшей, эта старая фотография, вся в потеках эмульсии, но изображение было достаточно четким. Типичный семейный портрет, сделанный в далеко не первоклассном салоне, но опытным фотографом. Свет падает именно так как надо и люди на снимке стоят правильно, не заслоня друг друга, разумно деля между собой пространство изображения. Снимок не парадный, но явно выполнен с любовью. Сзади отец и мать: оба в клетчатых рубашках с закатанными рукавами и шортах, на ногах сандалии. У отца пышная короткая борода, светлые, немного грустные глаза и аккуратно зачесанные назад волосы. У матери непослушные густые кудри и темные веселые глаза, ее рубашка немного расстегнута и видна тень в ложбинке груди. Детей трое: два мальчика и девочка, все трое в коротких штанишках и блузках с коротким рукавом, все трое держат в руках нервно смятые панамки. Старшему мальчику лет пять-шесть, младшему – на пару лет меньше. Девочка совсем маленькая, она на руках у отца.

– Семья Белобржецких, 1947-й год – пояснила мне Майя – Сзади сам Карстен и его жена Саша. Мальчик слева это мой дед – его так же, как и тебя, назвали Арье. Девочку звали Ханна, Ханна Левин по мужу. Ее убили фидайны в 71-м. А мальчик справа это дед нашего Карстена, Эрик Янике. Он был приемным сыном Белобржецких.

Так вот какое у них родство!

– А как же прадед Карстена? – спросил я.

Оказывается, про это никто и понятия не имел, до тех пор пока Карстен-младший не решил стать историком. На свою беду, роясь в архивах той войны, он натолкнулся на имя штурмбанфюрера Конрада Янике, бесследно пропавшего в марте 1943-го. У того Янике оставались двухлетний сын Эрик и жена в Зальцбурге. В начале 45-го мать Эрика поехала к родственникам в Дрезден и попала там под февральскую бомбежку, уничтожившую полгорода, а мальчика сердобольная соседка, не дождавшись возвращения его матери, передала в детский приют. Там он и жил, пока в середине 45-го его не усыновили Белобржецкие и забрали с собой в Палестину. Что их подвигло на то, чтобы взять заботу о маленьком Янике в дополнение к своему сыну, так и осталось неизвестным. Про папу-штурмбанфюрера они либо не знали, либо никому не рассказывали.

Вначале мы отвезли Карстена на его съемную квартиру в Флорентине, а потом, не торопясь, поехали забирать Лесю, благо детское сиденье было закреплено в «Хендае». По дороге мы попытались переварить новую информацию, но быстро выдохлись, не слишком понимая,

что происходит. Интересно, что известно Эйтану и зачем Карстену нужна была эта встреча с Майей Белобржецкой?

– Любопытно – сказала Аня – Детей Белобржецких звали Арье и Ханна, как раз как нас с тобой. Странное совпадение, ты не находишь?

Я ничего не ответил. У меня перед глазами стояло лицо старшего Белобржецкого и с этим лицом была связана некая, неосознанная пока, мысль. Мне начинало казаться, что совпадениями здесь и не пахнет.

Эберхард вышел на связь на третий день. К этому времени моя голова уже распухла от сведений о той войне и том времени, а Карстен, хотя и был историком, тоже не вылезал из Сети. К тому же, девочки из недавно образованного отдела нашей конторы, который мы называли «маскарадным», уже стояли на ушах. Там шили для нас подходящую эпохе одежду и готовили документы. На этот раз мы шли отнюдь не в наивное средневековье, куда можно было попасть босиком и где примитивная тамга открывала все двери. Нет, нас посылали в нацистскую Германию, покрытую разветвленной сетью Гестапо и СД. К тому же, в те времена уже делали изделия из пластмассы, особенно пуговицы, а канал не пропускал пластмассу. Поэтому пуговицы нам вытачивали из кости «под пластмассу». Особенный трепет вызвала у «маскарадного отдела» необходимость в подштанниках. Дело в том, что меня собирались одеть как советского военнопленного на сельхозработах, а Карстена, ну разумеется, как моего хозяина – бауэра. Нас забрасывали в январь и обойтись трусами никак не удавалось. К тому же, хотя в Красной Армии и разрешили трусы еще в 1940-м, но одевали их только офицеры и только в летнее время. Особенно озадачило девочек то, что советские и немецкие подштанники выглядели совершенно по-разному. Мне вся это возня была непонятна, потому что если Гестапо нас разденет, то меня сразу будет ждать ближайший крематорий. Кстати, Эйтан, разумеется не спрашивая меня, планировал было хирургическую операцию по восстановлению моей крайней плоти, но, к счастью, отказался от своей идеи. Нет, не из-за человеколюбия, а из-за длительности восстановительного периода.

...На этот раз Эберхард был почти спокоен. Он позволил Рои снять координаты и теперь мы с Карстеном могли надеяться, что нас не забросят по ошибке куда-нибудь на Мадагаскар. Самому Эберхарду было обещано прислать пару компетентных специалистов, которые разберутся с назревающей катастрофой. То, что один из нас еврей, а второй – кабинетный историк, от него скрыли. Нас просто представили ему, причем говорил только Карстен, тщательно подбирая слова, чтобы не ляпнуть что-нибудь из сленга XXI-го века. Не зная немецкого, я не понял ни слова, а спросить постеснялся, но чувственная экспрессия австрийского историка впечатляла. Кабан никак не отреагировал на эту пламенную речь, лишь смотрел на нас коровьими глазами, отражающими удивительную смесь отчаяния и надежды.

Мы уходили «вниз» ранним утром, когда в лаборатории еще не было посторонних. Нас провожали Эйтан, Рои, неизменный Виктор и, конечно же, моя Аня. Когда перед нами открылись двери такого знакомого мне шкафа, она бросилась мне на шею и прошептала в ухо:

– Я не буду жить если ты не вернешься. Лёв, о мой Лёв!

Ее слова щекотали мне мочку уха и разрывали сердце. Только она, она одна в этом мире называла меня «Лёв». Я помню, как много лет назад она взметнула свои длинные ресницы и единственные в мире глаза впервые взглянули на меня с экрана ноутбука. Растерянный и ошеломленный я назвал ей тогда то имя, которым меня звала мама – Лёва. Она никогда не слышала таких имен и я, заикаясь объяснил ей про огромного кота пустыни, которого называют «лев». Два слова смешались в ее речи и у нее получился «Лёв». Этим именем она встречала меня в лесах киевщины, куда я прошел через десять долгих веков по дороге к ней. Этим именем она провожала меня на битву, когда враг стоял под стенами детинца. Этим именем она прощалась со мной, перед тем как выбросить меня, умирающего от яда, обратно в мое время. И именно это имя набатом прогремело в моем телефоне, когда она сама пронзила все

времена и пришла ко мне. С тех пор прошло немало лет, у нас растет дочка, но в ее минуты отчаяния я снова слышу: «Лёв, о Лёв!» И всегда говорю одно и то-же, как клятву, как обещание, неподвластное времени:

– Я вернусь, любимая!

– Я буду тебя ждать! – сказала Аня.

Она сказала это ровным, спокойным голосом, но в ее голосе можно было без труда почувствовать нечеловеческое напряжение.

– Ханна, мы уже приготовили тебе комнату – отозвался Эйтан – Как всегда...

Заброска всегда происходила по-разному. Я мог уйти «вниз» на полгода, а вернуться через неделю. Мог я уйти и на пару дней и вернуться через пару часов. Время там, «внизу», текло иначе чем «наверху», но оно все же текло и вернуться в тот-же миг, из которого ушел, было невозможно. У Рои были готовы очередные формулы, и они утверждали, что чем «глубже» погружение во время, тем больше эта разница. Сейчас же я уходил относительно недалеко и здесь могло пройти почти столько же времени, как и «там». Поэтому, Леся переехала жить к бабушке, а моей Аняте отвели специально оборудованную комнату при лаборатории, более напоминающую гостиничный номер. Там она и будет жить, мучаясь бессонницей и забываясь беспокойным сном на пару часов за ночь, до тех пор, пока я не вернусь. «Если вернешься» – подсказал внутренний голос.

Я украдкой посмотрел на австрийца. «Так вот как ты возвращаешься!» – было написано на его лице. А еще в его глазах была зависть, но я не стал его осуждать.

На земле врага

*Наверное было так судьбой заведено,
В незримый край проложен мой маршрут,
Туда где все, кто умерли давно, уже давно
Для нас еще по прежнему живут.*

...У полицейского была аккуратная седая бородка, как у испанского гранда. Да и сам он был весьма величествен, в своем аккуратном темно-синем мундире подпоясанном белым поясом, с огромными накладными карманами и тщательно начищенными крупными пуговицами. Особенно впечатляла каскетка с блестящим лакированным козырьком, высокой тульей и свисающим с нее конским хвостом. Было в нем нечто имперское и довлеющее, хотя это и был всего лишь деревенский полицейский. Я, опустив глаза долу, мял в руках свой дражный картуз пока Карстен с ним объяснялся. Поначалу шуцман очень долго рассматривал профессионально-подозрительным взглядом наши паспорта, которые просто не могли не вызвать у него подозрения. Поэтому произнесенное им «*Was ist das?*»⁴ и вытянутый указательный палец с аккуратно подстриженным ногтем были понятны даже мне. Ему было невдомек, что наши удостоверения личности изготовили девочки из «маскарадного отдела». Время поджимало, фотоэмульсия на настоящей фотографии не прошла бы канал и они попросту напечатали нам «аусвайсы» вместе с фотографиями и печатями на самом лучшем принтере с самым высоким разрешением, какой только удалось раздобыть. Эти липовые бумажки сделали из Карстена Янике некоего Карстена Кауфмана, а я превратился, без каких-либо затей, в «Nikolai Sidorenko».

Эти двое все еще продолжали разбираться, причем Карстен говорил уверенным роко-чущим голосом со снисходительными барскими интонациями. При этом он был настолько похож на провинциального трагика, играющего какую-нибудь поучительную мелодраму, что я подумал, уж не грешил ли он в своей Вене игрой в самодеятельной театральной труппе. На более молодого шуцмана эти манеры вряд ли подействовали бы, но его собеседник, помнящий, вероятно, еще кайзеровские времена, заметно нервничал и все реже и реже поминал «полицайпрезидиум». Наконец, когда Карстен пустил в ход тяжелую артиллерию и произнес фразу со страшными словами «*neue Drucktechnik*»⁵, старик сдался. Он вернул нам удостоверения и пожелал нам «*Gute Reise*»⁶ приложив пальцы к каскетке.

...Заброс начался как всегда, с той лишь разницей, что нас двоих запихнули в один и то-же шкаф, чтобы не послать по ошибке в разные места или в, боже упаси, разные времена. Потом хорошо знакомый мне туман «Случайного Соединения» скрыл от нас лабораторию, Эйтана, Рои и мою Аню. Рассеялся туман в сельской местности и мы сразу поняли, что Рои промахнулся. На последнем сеансе связи Эберхард сообщил нам свой адрес: Альте Дорфштрассе 4 в поселке Плётцин, недалеко от Потсдама. На современной карте все это выглядело вполне достойно и мы очень надеялись, что основные шоссейные дороги были проведены в тех местах еще во времена Рейха. Вот только на карте в моем телефоне Альте Дорфштрассе плавно переходило в Ленинер Аллее с одной стороны и в Ленинершоссе с другой. Нетрудно было догадаться, что в 43-м та аллея и то шоссе назывались иначе, что несколько охладило наш оптимизм. Но волей Рои и по закону темпоральной подлости мы оказались не на окраине Плётцина, а посреди огромного картофельного поля с высохшей, промерзлой ботвой. С тру-

⁴ А это что такое? (нем.) s

⁵ Новая техника печати (нем.)

⁶ Счастливого пути (нем.)

дом проковыляв по длинющим голым грядкам, мы выбрались на асфальт. Это уже было немного похоже на Германию, также как и голые липы вдоль шоссе. Своего местоположения мы не знали и поэтому решили не идти ни влево ни вправо, а ждать на месте. По крайней мере было похоже, что мы попали в зиму и, возможно, хотя бы время было правильным. Зима стояла европейская, мягкая, и снег лежал лишь кое-где в кюветах, намекая на обязательный рождественский снегопад, давно прошедший. Одеты мы были не так уже плохо и все же нам было холодно, особенно Карстену. Ему выдали приличное двубортное пальто, но, к сожалению, хлопчатобумажное, так как шерсть не проходила через канал. Под пальто у него были две пары льняных рубаш с высокими воротниками, вполне подходящих бауэру, и теплые подштанники, но тоже хлопчатобумажные. Эти многочисленные слои не по сезону тонкой одежды, позволяли ему не загнуться немедленно от холода, но грели не слишком хорошо. Мне повезло больше. По мой легенде, мне не возбранялось носить ватник и я впервые оценил всю гениальность этого мудрого порождения советской власти. По той же причине капризов канала, на нас обоих были кожаные сапоги вместо более практичных для сельской местности – резиновых. Тут Карстену повезло больше, ему достались сапоги хорошей кожи с замшевыми отворотами. Мне же, дабы не выпал из образа, выдали обувь попроще. Карстен натянул свои сапоги на две пары безумно дорогих экологических носков, а я наслаждался портянками, наматывать которые меня научила Аня. Именно на эти сапоги нервно озирался шуцман, в безуспешных попытках оседлать свой велосипед. Но нет худа без добра и у него мы узнали, что до Плётцина километров пятнадцать, зато автобус на Потсдам, который будет через полчаса (тут полицейский достал самые настоящие карманные часы и сверил время) остановится для нас на углу Бранденбургского шоссе и Плётцинершоссе, плавно переходящего в то самое Альте Дорфштрассе.

Шуцман давно укатил на своем велосипеде и мы пошли в указанном им направлении. Остановка оказалась совсем недалеко, за поворотом шоссе. Еще издали мы увидели на остановке три женские фигуры и невольно замедлили шаг. Это было опасно. Нам придется здороваться и австрийской говор Карстена может вызвать подозрения в глухой сельской местности. Они поделятся своими подозрениями с одним, с другим и вот уже Гестапо идет по нашему следу. Чем ближе мы подходили, тем страшнее мне становилось: три деревенские тетki казались мне опаснее полицейского. От них можно было ожидать чего угодно, но то что мы увидели дойдя до остановки было удивительнее самой неожиданности. На скамейке под знаком «Н» сидели три русские девушки лет семнадцати-восемнадцати. Ошибиться было невозможно, особенно если судить по покрытым веснушками лицам с не по-арийски вздернутыми носиками и по манере завязывать платочки, заправляя концы.

– Привет, девчонки – неожиданно для себя самого ляпнул я по-русски.

Одна из них весело фыркнула, другая проворчала: «*Der Riipel*!», а третья отвернулась. Карстен дернул меня за рукав и требовательно сказал что-то по немецки, но было уже поздно. То, что со мной случилось дальше, можно объяснить только нервным срывом: я уже просто не мог остановиться, меня несло.

– Загораете? А Родина-то вас зовет, красавицы! – озвучил я не самую мудрую мысль, подойдя поближе к скамейке.

– Плохо зовет! Что-то не слышать! – отозвалась веселая, а строгая лишь матернулась сквозь зубы.

– Между прочим, наши Воронеж освободили – на самом деле я не был уверен, что Ватутин уже в Воронеже, но ведь рано или поздно он там будет.

– Да где он, тот Воронеж? – лениво отозвалась веселая.

– Ты только посмотри на него, Гестапо по нему плачет! – по-прежнему сквозь зубы проворчала строгая.

⁷ Нахал (нем.)

– Заткнись, Люська! – твердо, как выстрелила, сказала молчаливая.

Она тяжело поднялась навстречу приближающемуся автобусу и стало заметно, что девушка беременна. Пока Карстен лихорадочно нащупывал в кармане напечатанные на все том-же принтере рейхсмарки, остальные тоже поднялись...

Всю недолгую дорогу до Плётцина я скромно молчал под укоризненными взглядами Карстена. Только когда пожилая фрау покосилась на меня и проворчала: «*Stinkend Russisch*⁸», понятное и без перевода, мне захотелось ей достойно ответить. К сожалению, мои возможности было ограничены фразами «Гитлер капут», «Хенде хох» и «Нихт шиссен», которые не слишком подходили к текущему моменту. Поэтому я сдержался.

– Как звать-то тебя, комиссар? – неожиданно мягко спросила строгая, когда мы с Карстеном поднялись, чтобы выйти.

– Лёва – машинально сказал я, забыв что теперь я Николай и ломая сразу все правила конспирации.

– Будешь в Могилеве, Лёва – заходи. Заречная, дом семь – сейчас она смотрела на меня совсем иным взглядом, полным отчаяния и надежды.

– Зайду обязательно – соврал я.

Строгая Люська еще не знала, что ждет ее скорее всего не Заречная улица, а вечная мерзлота лагерей. Если, конечно, она еще раньше не попадет под бомбу союзников.

Автобус высадил нас на шоссе, не заезжая в Плётцин. Ленинершоссе еще не получило своё гордое имя и пока что называлось Плётцинершоссе. Шоссе оказалось узкой, но хорошо асфальтированной дорогой, стрелой пересекающей все те же картофельные поля. По этой пустынной дороге мы и пошли в Плётцин. Шли мы быстрым шагом, чтобы не замерзнуть и первые дома поселка показались уже минут через тридцать. За все это время нас не обогнала ни одна машина, лишь навстречу нам проехала влекомая тощей конягой телега с пожилой женщиной на козлах.

– Дефицит бензина – пояснил Карстен, обернувшись на всякий случай, чтобы убедиться, что никто нас не слышит – Германия отрезана от нефти, на Кавказ прорваться не удалось, а заводы синтетического топлива бомбят союзники. Поэтому бензин для частных нужд получить почти невозможно. Кстати, на людях нам лучше говорить на иврите, если уж приспичит, чем по-английски. Английский в Германии знают почти все и запросто могут за шпионов принять. А иврит здесь просто не поймут.

Вскоре начался сам Плётцин со своими аккуратными домами без излишеств и чистенькими палисадниками, напомнившими мне израильский поселок средней руки где-нибудь в Нижней Галилее. Единственная улица была почти пустынна, но одна женщина в завязанном по-европейски платочке все же с подозрением посмотрела на нас и проводила долгим взглядом. К счастью, дом Эберхарда оказался в начале деревни.

...Торфяные брикеты это отнюдь не березовые полешки, но небольшую гостиную и они в состоянии нагреть. Мы сидим у камина и нам уже не холодно. Теплу способствует и горячий кофе. Это хоть и не желудевый эрзац, но и не совсем настоящий кофе. Не удивительно, ведь война идет уже четвертый год. «Кабан» меньше всего напоминает дикого вепря. Если уж прибегнуть к анималистическим сравнениям, то он скорее походит на грустного ослика Иа-Иа.

– Они послали Отто в Дахау, но сломить его им не удалось – говорит Эберхард – Отто всегда был сильным и гордым. Только один раз он уступил системе и это его сгубило. Его, как и меня, воспитывали на христианских ценностях и как-то раз он сказал мне: «Ты знаешь, Юрген, дьяволу только и нужно чтобы ты дал слабину, уступил ему хоть на миг. Тогда ты навеки в его власти». Мы с ним оба оступились. В конце концов Отто смог их победить, хоть и ценой своей жизни, а теперь моя очередь. Я не боец, совсем не боец. И все же, напрасно они

⁸ Воночий русский (нем.)

послали меня в Майданек. Ох, напрасно! Нам всем свойственно «не выносить сор из избы». Вот и Отто... Да, он позволял себе неллицеприятные высказывания о режиме, но твердо отвергал все предложения напечатать их за границей. Вот только, когда мусора становится слишком много, он начинает и сам высыпаться из «избы».

Мы догадываемся о чем он ведет свою сбивчивую речь.

– Да – подтверждает он – Мы тогда вышли на маршрут втроем: он, я и этот тупица Хайнц, которого навязал нам Швейцер⁹. Запись о тайнике нашел, конечно же, тоже он, Отто. Он всегда находил необычное в пещерах, еще под Монсегюром. На этот раз это были руны, которые один только Отто мог прочесть. Они-то, эти руны и указывали на тайник в глубине Гренландского плато. Итак, мы втроем поднялись на плато с разборными санями и ездовыми собаками. Меня воспитывали в христианской традиции, в которой ад раскален. Но на гренландском плато мне стала много ближе вселенная скандинавских саг, потому что там я увидел настоящий ад, ледяную преисподнюю Хельхейма.

Он замолкает, отхлебывает свой кофе и греет ладони о фарфоровую кружку. Наверное, его до сих пор пронизывает тот гренландский холод.

– Они загнали свои машины в пещеру и сами навсегда остались там, вечными ледяными статуями – Эберхард задумывается – Нет, они не были пришельцами из других миров, вовсе нет. Обычные люди, но с необычными лицами. В наше время таких лиц уже не встретишь, и все же это были не ангелы и не боги. И выражение лиц у них было отнюдь не ангельское: была там и мука и боль и отчаяние и мрачная злоба там тоже была. Что заставило их остаться там навсегда? От чего укрывали они свои машины? Этого мы так и не узнали. И там же, в глубине пещеры мы нашли их, эти аппараты. Они вызывали странные чувства. Нет, в них не было изящества, а может и было, но иное, недоступное нам изящество. Но зато бросалась в глаза затаенная мощь их обводов и страшные, хищные очертания. Я так и застыл там, зачарованный этим зрелищем, не в силах пошевелиться, а вот Отто немедленно начал действовать. Он стал доставать из рюкзака толовые шашки с взрывателями и быстро и деловито расставлять в стенных нишах. Недоумение Хайнца быстро переросло в возмущение. Он начал выкрикивать злобные, невнятные фразы, угрожающе наступая на Отто. Хайнц кричал что-то об «оружие валькирий», «мече рейха», «арийской мощи» и прочие бредовые фразы. Признаюсь откровенно, мне и самому действия Отто показались тогда кощунством, ведь мы оба были учеными, археологами. Если бы я не доверял ему беспрекословно... Но я доверял... Отто просто достал револьвер, выстрелил в Хайнца и даже не посмотрел, попал или нет. Но он, конечно же, попал, ведь в наши студенческие времена Отто был лучшим стрелком университета. Потом он обернулся ко мне и сказал: «Такую силу нельзя оставлять никому, а этим в первую очередь». Я хорошо знал, кого он называет «этими», ведь мы были друзьями и ничего не скрывали друг от друга. А потом...

Эберхард вспоминает и тени прошлого, казалось, бегут по его лицу. Но нет, это всего лишь блики света от пламени в камине.

– Итак – продолжает он – Мы взорвали ту пещеру и ее обрушившиеся своды похоронили под собой те удивительные машины, их замерзших пилотов и дурака Дункле. Когда мы вернулись на судно, Отто заявил, что не было никакой пещеры, а Хайнц неосторожно сверзился в пропасть вместе с упряжкой. Для достоверности мы застрелили собак, сожгли сани и дошли до берега пешком. Я, разумеется, подтверждал его слова и там на судне и, позже, в СД. Нам верили и не верили. Не знаю, чем бы это кончилось, но тут появился доктор Янике.

– Кто? – Карстен вскакивает с кресла и тут же падает обратно.

– Как кто? Штурмбаннфюрер Конрад Янике – удивленно поясняет наш хозяин – Это ужасный человек. Страшный. И гениальный.

⁹ Бруно Швейцер – руководитель исландской экспедиции Аненэрбе.

Вот, наконец, и появился на сцене мой покойный друг Шарканчи. Мы продолжаем слушать и я замечаю, как побелели костяшки пальцев Карстена на подлокотнике кресла.

– Вот Янике-то как раз нам не поверил, но его не мы интересовали. Все же нас не арестовали, хотя и таскали на допросы и кое-что стало нам известно. Оказывается Янике долго обсуждал что-то с Шефером, а потом снова отправился на Тибет с небольшой командой из Аненэрбе, на этот раз без Шефера. Эту экспедицию, в отличие от первой, не афишировали, зато хорошо вооружили, а вернулись они с таким же летательным аппаратом, как и те в гренландской пещере. Напрасно мы взорвали ту пещеру и напрасно погиб тот придурок Дункле.

– Как они его сюда перегнали? – спрашиваю я.

– Своим ходом, как же еще? Но вот что интересно... Только доктор Янике мог поднимать его в воздух. Как именно? Не знаю, я так и не смог узнать его тайну.

В свое время я неплохо знал прадеда Карстена и смутная догадка мелькает у меня в голове.

– А где этот аппарат сейчас? – спрашивает Карстен.

– Вы слышали про ставку главного командования «Вервольф»?

Я до этой заброски не слышал ни про какой «Вервольф», но Карстен-то историк. Он уверенно кивает и произносит только одно слово:

– Винница!

Эберхард смотрит на него с уважением и поясняет:

– Наши шаманы из Аненэрбе утверждают – он продолжил, ненатурально завывая – ... Что именно там находится средоточие силы и энергия, необходимые для работы той машины... Янике только посмеялся над ними, но возражать не стал. Похоже, что он лучше их знал, что нужно для того, чтобы эта штука взлетела.

Потом хозяин показывает нам фотографию.

– Этот снимок я сделал в той пещере – говорит он – Освещение там было так себе, да еще и блики ото льда.

На не слишком качественном снимке изображено нечто вроде усеченного конуса с выступами наверху. Деталей не разобрать и все же мне это что-то напоминает. Кажется, такие же обводы и такой же усеченный конус пару раз промелькнули на экране моего ноутбука. Нужно слово вертится на языке...

– Вимана!

Это произнес я и Эберхард с удивлением на меня смотрит. Разговор идет по английски, но это слово ему явно не знакомо. Я повторяю:

– Эта штука называется «вимана».

Тот кто бессистемно шагает по Сети, подобно мне, рано или поздно наткнется на статью о виманах. Так называют легендарные летательные аппараты, воздушные дворцы, упоминаемые в летописях на санскрите. О виманах ходят всевозможные легенды, причем далеко не только в наше время. Например, отец моей Ани рассказывал ей про поход русов на Цесарьград в древние, еще до-рюриковские времена. Тогда ромеи якобы сожгли флот варягов на днепровских лиманах «греческим огнем» с ковра-самолета. Похоже, впрочем, что и сам Неждан не слишком верил в эту историю, которую рассказал ему дед. К тому же, сотник рассказывал эту байку своей дочери в качестве сказки на ночь. И все же натуралистичность некоторых деталей насторожила вначале мою Аню, а теперь и меня. Ее прадед вроде бы утверждал, что во время атаки ковер-самолет зависал над драккарами с ужасным грохотом, создавая воздушные вихри. Вихри эти были настолько сильны, что качали драккары на спокойных водах лимана так, как будто это были огромные океанские волны. Качка не позволяла прицелиться и варяжские стрелы летели мимо ковра-самолета, который и без того болтало в воздухе из стороны в сторону. Те же стрелы, что все же достигали летучую машину, отскакивали от нее со звоном.

В конце концов она подожгла напалмом большую часть варяжского флота, но и сама рухнула и взорвалась в днепровских плавнях. Не была ли то последняя вимана византийцев?

– Вимана? Вполне возможно – соглашается Эберхард – У нас, в Аненэрбе ходили слухи, что Янике ездил в Бангалор и встречался там с неким пандитом. Правда, те же люди не без злорадства утверждали, что тот индус выгнал нашего штурмбанфюрера взашей за, якобы, аморальное поведение. И они же рассказывали, что Янике вроде бы стащил у пандита бесценный древний трактат, но что это за трактат никто не знал.

Карстен тоже слышал про виманы, но знает про них еще меньше меня. Тогда Эберхард продолжает свой рассказ...

Вторая, неофициальная экспедиция на Тибет проходила в условиях наивысшей секретности, поэтому толком про нее никто не знал. В Аненэрбе о ней ходили самые разнообразные, порой совершенно невероятные слухи. Например, утверждали, что за эсэсовцами следили непальские гуркхи, нанятые британцами и, в конце концов, между ними и экспедицией произошел жестокий бой. В том бою почти все немцы погибли, а оставшиеся в живых забросали гуркхов гранатами с самолета. О каком самолете шла речь, осталось неизвестным, но догадки у нас были. В конце концов, в Аненэрба вернулись двое, причем непонятно каким образом. Одним из них был тот самый Янике, а вторым был некто Рихард, но этот Рихард таинственным образом исчез бесследно сразу после возвращения. Эберхард утверждал, что Янике вернулся на вимане.

Его и Отто Рана снова вызвали на допрос и показали интересные фотографии. На этот раз качество было неплохим и оба друга без труда узнали аппарат, подобный похороненным в гренландской пещере машинам. Им хватило ума позвать плечами и сделать недоуменные лица, что, надо полагать, их и спасло. Тем не менее, они попали в опалу и их сослали служить в администрации лагерей. Отто послали в Дахау, а Эберхарда – в Майданек, что было еще хуже.

– Какая разница, Дахау или Майданек? – удивился я.

– Если бы вы были евреем, вы бы поняли – проворчал Эберхард с мрачным ехидством.

– Я как раз еврей – ответил я – И я не понимаю.

– Ну да, верно – спохватился он – Вы же из НКВД, а там все евреи.

Карстен посмотрел на меня и, незаметно для Эберхарда, покрутил пальцем у виска. После знакомства с его прадедом я успел узнать что такое НКВД и спокойно воспринял эту мнемонику.

– Пусть будет НКВД – согласился я – И все же, в чем разница?

– Есть разница: Дахау – концентрационный лагерь, Майданек – лагерь уничтожения – хмуρο пояснил Карстен.

Эберхард согласно кивает, стараясь не глядеть на меня. Карстен тоже смотрит куда-то в пламя камина и продолжает...

– В Дахау пытали и издевались, а доктор Рашер проводил бесчеловечные опыты. В Майданеке было все то-же самое, плюс крематорий.

– Было? – Эберхард изумленно смотрит на Карстена.

Мы таращим на него глаза. За кого же он нас принимает? Развивать тему, однако, было бы неразумно. А хозяин продолжает свой рассказ. Итак: Дахау и Майданек... Для обоих это оказалось последней каплей, но повели они себя по-разному. Отто, отслужив свое в Дахау, отбросил всякую осторожность, вышел из СС и начал открыто обличать режим, в том числе и в разговорах с иностранцами. Имперскому министерству народного просвещения и пропаганды во главе с самим Геббельсом пришлось приложить титанические усилия, чтобы представить обличения Рана брюзжанием обойденного наградами ученого. Благодаря тому, что примирительно настроенные французы, англичане и прочие американцы сами хотели этому верить, режиму удалось заглушить голос Отто. Но Ран не сдался и продолжал твердить свое. Друзья за границей предлагали ему убежище, но он не соглашался покинуть родину. Разумеется, люди из СД

не были намерены долго это терпеть. Официально было объявлено о самоубийстве, проглоченном яде, но Эберхард-то знал, что смерть от цианистого калия считалась позорной в их университетские годы и Отто, если бы и захотел покончить счеты с жизнью, предпочел бы кинжал. Впрочем, цианистым калием там и не пахло. Эберхард сам разговаривал с местным охотником, нашедшим замерзшее тело Отто в окрестностях Зёлле, городка в австрийском Тироле. По его утверждению, вокруг было много тщательно затертых следов лыж и горных ботинок, а неподалеку он нашел два свежих окурка сигарет разной марки. СС не прощали отступничества.

Сам Эберхард выбрал иной путь.

– Я пошел дальше Отто – говорит он – Он бы не предал свою страну. Впрочем, он не видел печи Майданека.

Кабан затаился и все эти годы прозябал на скромной должности архивариуса при штаб-квартире Аненэрбе. А еще он хранил доверенный ему Раном таинственный артефакт. Отто нашел Зеркало в пещере по Монсегюром. Оно не похоже на Зеркало Веды: это не медная полированная пластина, а прозрачное стекло с золотой амальгамой на тыльной стороне. Но, также как и то Зеркало, оно умеет пронзать времена. Сейчас в нем Аня и Эйтан. Лицо моей единственной застыло маской страдания. Это больно, но я стараюсь не подавать вида.

– Тут настоящий курорт, любимая – говорю я деревянным голосом – Нашу деревню совсем не бомбят и кормят наотвал, правда в основном картошкой, поэтому твой муж окончательно обленился и начинает толстеть от сельской жизни. Вот вернусь и пойду с тобой на йогу.

Аня молчит, она все понимает и старается не плакать. А я бы поплакал, но стесняюсь Эберхарда, ведь агенты НКВД не плачут.

Мы живем у Эберхарда уже третий день и надо, наконец, что-то решать. Виману хранят в ставке Гитлера под Винницей, но до Винницы далеко и мы пока не знаем, как подступиться к «Вервольфу». Кроме того, мы с Карстеном живем на птичьих правах в этой пронизанной слежкой стране. К нашему гостеприимному хозяину уже приходил местный шуцман, молодой инвалид, потерявший кисть руки почти год назад, еще в самом начале битвы за Ржев. Лелея ноющую по зимнему времени культю правой руки, он долго расспрашивал Эберхарда о его гостях. Напечатанные на принтере аусвайсы мы не решились ему показать, да и сами не показались, отсиживаясь в подвале. Действительно, оstarбайтер. не знающий ни слова по немецки, и бауэр с австрийским говором не могли не вызвать подозрения в Бранденбургских землях. Эберхард показал шуцману какие-то бумаги из Аненэрбе и полицейский ушел, качая в сомнении головой. Сидеть дальше в Плётцине становилось опасным.

Чтобы не вызывать подозрений, мы не выходим из дому и лишь ночью выходим подышать воздухом в палисадник. Зимнее германское небо – низкое, но тучи порой расходятся и тогда я ищу Луну. Но Луны нет, есть только Месяц, и слава Всевышнему. Не хватало нам еще попасть в параллельный мир, в параллельную Вторую Мировую.

Сейчас мы снова сидим в гостиной и решительный разговор назревает неотвратимо, как «ячмень» на глазу. Мы пьем светлое рейнское вино

– Никогда не думал, что буду пить на брудершафт с сотрудником НКВД – говорит Эберхард.

В этот ночной час электричества нет и в свете свечей его мягкое лицо заострилось, напоминает римский слепок. Он уже не похож на ослика Иа-Иа. Мясистый прусский нос тонко очерчен, светлые глаза сверкают. Виной тому, конечно же, отблеск свечей, но сейчас он красив, этот ненавидящий нацистов эсэсовец. Кабан принял решение и поперет до конца, подобно вепрю.

– И с евреем! – усмехаюсь я.

– Не обольщайтесь, товарищ – улыбается он – В университете мы еще не были наци и позволяли себе иметь еврейских друзей. А потом...

Он явно не хочет продолжать.

– Георг, пожалуй, будет звучать слишком официально. Зовите меня Юрген. Впрочем, ты, Карстен, можешь называть меня по-венски – Шурль.

Мы согласно киваем: Арье, Карстен и Юрген. Трое против Рейха. Силы неравны, ведь нас трое против одного. Меня разбирает смех и Юрген это замечает.

– Так кто же вы на самом деле? – спрашивает он.

Он проницателен и мы не хотим ему больше врать или молча соглашаться быть агентами НКВД и УСС¹⁰. Карстен рассказывает, а я молюсь про себя всем темпоральным богам. Только бы нам не создать временной катаклизм.

Эберхард верит сразу и безоговорочно. Наверное, его убедило Зеркало, а может быть он очень хочет поверить в будущее, потому что настоящее ему не слишком нравится.

– Так ты австриец и Рейха больше нет? А Германия...? – Юрген судорожно сглатывает слюну.

– Самая экономически мощная держава Европы – честно отвечаю я.

Интересно, почему его это не радует?

– Опять... – задумчиво произносит он – И...?

– Нет! – дружно кричим мы с Карстеном.

Это правда, он видит это и его оставляет напряжение.

– А ты, Арье? – спрашивает он.

– Я – израильтянин, это еврейская страна со столицей в Иерусалиме.

– Иерусалим!

Его лицо становится мягче, а может это опять отблески огня. Наверное он вспомнил детство, Сочельник, Рождество, орган в костеле.

– Это хорошо. Наверное вы уже отстроили свой Храм.

Я делаю неопределенный жест и многозначительно молчу. Не хочется его разочаровывать. Но нам необходимо разработать план. Неужели придется атаковать в лоб логово «оборотней¹¹»?

– Нет, или, по крайней мере, не сразу – утверждает Карстен – Вначале нам нужно в Варшавское гетто.

Мы с Юргеном недоуменно смотрим на него. Эберхард вряд ли представляет себе что такое Варшавское гетто. Я знаю немного больше, в основном из уроков истории в школе. Мордехай Анилевич, Арье Вильнер, Януш Корчак... Сейчас они еще живы, еще не стали легендой. Хотя нет, Корчак уже погиб вместе со своими детьми.

– Раввин Зиемба – говорит Карстен – Он может нам помочь.

Я никогда не слышал это имя, впрочем и в ешиве я никогда не учился. Откуда Карстен его знает?

– «Меркава»! – заявляет он – Знаете, что это такое? Если верить Торе, то это нечто вроде виманы. А рав Мордехай самый крупный в Европе знаток Торы.

Я, наверное, плохой еврей. Танк «Меркава Мк 4» я неоднократно видел во время армейской службы, а вот про летающую колесницу из Танаха впервые услышал сейчас от австрийца. Перед моими глазами возникла карта Европы: вроде бы Варшава была нам почти по дороге. Но главным соображением было то, что у нас еще не было никакого плана нападения на «Вервольф». Любопытно, что решение ехать на Варшаву вызвало заметное облегчение на очень напряженном лице Карстена. Я это заметил, но решил подумать об этом позже.

Эберхард тоже не возражал против Варшавы. Значительно больше его беспокоило пересечение границ. В Германии, в Генерал-Губернаторстве¹² и на оккупированной Украине были

¹⁰ Управление Стратегических Служб – разведслужба США времен Второй Мировой войны, предшественник ЦРУ.

¹¹ Игра слов: *Wegwolf* – волк-оборотень (нем.), *Wehrwolf* – вооруженный волк (нем.)

¹² Оккупированная Польша.

совершенно разные порядки. Никто не мог попасть в Варшаву или, тем более, на Украину с обычным аусвайсом. Что касается наших доморощенных корочек, то они все равно не годились ни на что, кроме как пугать деревенских полицейских. Впрочем, сейчас они выглядели получше. Вчера днем, когда солнце ненадолго выглянуло из-за туч, Юрген сделал наши с Карстеном портреты своим огромным цейсовским фотоаппаратом на треноге. Потом он исчез на весь вечер, прихватив липовые аусвайсы. Когда Эберхард вернулся, наши напечатанные физиономии на корочках были заклеены настоящими фотографиями, на который появились аккуратно подправленные печати, а сами документы оказались умело потрепаны. Подробностей он нам не сообщил и мы предпочли не спрашивать. Зато теперь наши паспорта могли выдержать любую не слишком профессиональную проверку. Конечно, этого было недостаточно для поездки в оккупированные страны. Необходимые нам документы можно раздобыть в Аненэрбе, объяснил Юрген. Но, добавил он, нам понадобится правдоподобная легенда, сопроводительные бумаги и подпись Гимmlера под ними.

Рейхсфюрер умен и подозрителен, но у него есть слабое место: безграничная вера в эзотерические методы в науке и всевозможный оккультизм. Поэтому количество отделов Аненэрбе выросло за последние годы до пятидесяти, при соответствующем финансировании, несмотря на все растущее недовольство Фюрера. Гитлера можно было понять: хотя многочисленные экспедиции и не менее многочисленные публикации хорошо послужили делу пропаганды, никакого заметного прорыва в области вооружений не было. А ведь сейчас именно это интересовало отца нации много больше зашкаливающей пропаганды. Гимmlер чувствовал это недовольство, понимал его причину и искал решение. От большинства подразделений Аненэрбе, вроде отделов исследования методов ведовства и мощи пения старинных гимнов, решения ждать не приходилось. Таким решением должна была стать вимана, но ее еще рано было показывать Фюреру. Как выяснил Юрген, никто кроме Янике не мог ей управлять, а раскрыть тайну древних двигателей инженерам Люфтваффе пока не удавалось. Поэтому Эберхард собирался представить Карстена историком, изучающим древние артефакты, а меня – русским ученым, его коллегой и специалистом по Киевской Руси. В какой-то степени я действительно был таким специалистом, благодаря двум забросам на средневековую киевщину и личному знакомству с Владимиром Святым и Вещим Олегом..

На следующее утро мы садились в эберхардовский «Опель-кадет» мышиного цвета. Хозяин поделился с нами своим гардеробом и на Карстене было сейчас надето демисезонное пальто хорошей шерсти и приличная шляпа со слегка обтрепанными полями. Под пальто у него был запасной костюм Юргена, лежавший слегка мешковато, но солидно. Мне досталась теплая куртка на меху, вязаный свитер, полосатые брюки и клетчатая кепка, делающая меня похожим на бандита из старых гангстерских фильмов. Брюки мне были велики, но положение спасал пояс. Карстен влез в запасные туфли Юргена, а мне достались его сапоги с отворотами. По крайней мере, пока мы шли к машине, никто не бросал на нас подозрительные взгляды. Впрочем, мы никого и не встретили. Сам Юрген был одет в серую эсэсовскую форму с витыми погонами и петлицами унтершарфюрера, которая поначалу вызывала у меня легкие рвотные позывы. Но вскоре я привык.

– Сам я человек сугубо гражданский – объяснил он – Да и в нашей организации никогда раньше не требовали ходить строем. Но сейчас война и всем сотрудникам приказано приходить на службу в форме.

Мы выехали из Плётцина по уже знакомому нам Плётцинершоссе и повернули на Потсдам. Промелькнули две деревни, похожие на Плётцин как родные сестры. Потом наш «Опель» прогрохотал по деревянному мосту через не покрытую льдом реку Хафель и снова потянулись деревни и картофельные поля с присыпанной снегом высохшей ботвой. Наконец, начался Потсдам с его трехэтажными домами имперской архитектуры и широкими проспектами. Здесь уже виднелись следы бомбежек, но город не слишком пострадал. Пока не пострадал, мыс-

ленно добавил я, но вспомнил про Потсдамскую конференцию в одном из немногих неразрушенных немецких городов и порадовался за прекрасный город. Промелькнул изящный собор с фигурами ангелов на башнях («Николайкирхе» – пояснил Юрген) и снова потянулись улицы с голыми ветками лип. «Опель» натужно заурчал мотором проехав между двух классических колоннад и поднялся по пандусу на мост.

– Шпионский мост – сказал Карстен.

– Почему? – удивился Эберхард.

Мы промолчали. Рассказывать ему про ГДР, Западный Берлин и Берлинскую стену не стоило. По прямому как стрела шоссе наша машина миновала мост через заросшую протоку, пересекла железнодорожный переезд и выскочила на скоростное шоссе. Это был знаменитый немецкий автобан – прообраз скоростных дорог нашего времени. Здесь была бетонка и шины «Опеля» скользили по ней почти беззвучно. Вскоре мы соскочили с автобана и начали колесить по аллеям. Наверное, здесь очень приятно летом, полно зелени и хорошо дышится. Но теперь над нами нависали мрачные голые ветви огромных не то кленов, не то тополей и от этого берлинские улицы производили на меня не самое приятное впечатление. А может быть виной этому была война и опасная, враждебная страна вокруг. Наконец, указатель на углу сообщил «Пёклерштрассе» и мы медленно поползли вдоль массивных особняков. Немного не доезжая до светлого здания с огромным полукруглым эркером, Юрген приткнул свой «Опель» к тротуару.

– Вот оно, здание нашей администрации – сказал он, показав на особняк и добавил – Но сейчас мы туда не пойдем. Долгое пребывание в Аненэрбе опасно: вас могут разоблачить. Поэтому мы будем ожидать Гимmlера здесь. По моим сведениям его приезд ожидается сегодня.

– Это же Вилла Вурмбах. Нам ее показывали на экскурсии. Здесь живет президент ФРГ! – удивленно произнес Карстен на иврите, и тут-же поправился – Точнее, будет жить.

Сказав эти слова, он в задумчивости наклонил голову, как будто прислушиваясь к самому себе. Это был его первый заброс вниз и Карстен, хоть и был историком, еще не привык к темпоральной семантике, когда понятия «раньше» и «позже» несут двоякий смысл. Ожидание затянулось и я даже задремал в машине посреди Берлина совсем как Штирлиц в последней серии «Семнадцати мгновений весны». Разбудил меня Карстен тычком в бок. Я взглянул в окно и не поверил своим глазам: в ворота Виллы Вурмбах заезжал хорошо знакомый мне «Майбах», только в отличие от антикварного автомобиля толстяка Рои, он был иссиня-черного цвета с блестящими, хромированными обводами.

– Машина рейхсфюрера – прошептал Юрген – Ну, с богом!

Он перекрестился, дотронулся пальцами до губ, виновато посмотрел на нас и полез из машины. На негнущихся ногах я последовал за немцем и австрийцем.

Вилла Аненэрбе меньше всего была похожа на «логово». Да что там, здесь было очень мило и даже зимой среди голых ивовых веток то здесь, то там зеленели высокие сосны. Мы прошли мимо пустого «Майбаха», вошли в никем не охраняемый подъезд и поднялись по лестнице на верхний этаж. Здесь уже была охрана, а может и вахтеры, в виде предельно вежливых пожилых эсэсовцев в черных мундирах и при галстуках. Юрген забрал наши паспорта, продемонстрировал вахтерам свое удостоверение и прошел в коридор, жестом велел нам подождать на мягком диване у окна. Ждать пришлось долго и один из вахтеров уже подходил к Карстену с вопросами, но удовлетворился его ответом, который я, разумеется, не понял. Наконец в конце длинного коридора показались люди.

Впереди, на два шага опережая пару спортивного вида охранников в черном, шествовал сам Гимmlер. Рейхсфюрер выглядел не слишком эффектно, хотя его серый френч с петлицами рейхсфюрера и большими накладными карманами, сверкающие ваксой сапоги и галстук смотрелись солидно. Более всего, в своих круглых очках он был похож на школьного

учителя по не самому важному предмету: истории или географии. А еще он походил на типичного колхозного агронома, каким он собственно и был в самом начале своей карьеры, правда не в колхозе. Все же я недаром просиживал штаны в Сети перед этой заброской и кое-что успел узнать про главного эсэсовца. За его охраной шел Эберхард, неподвижно смотря прямо перед собой. Мы вскочили и Карстен попытался вытянуться и изобразить нацистское приветствие, но Гиммлер только устало махнул рукой. Я же попросту снял кепку и поклонился низко, но не подобострастно.

Разговор, в котором участвовали рейхсфюрер, Юрген и Карстен, шел по-немецки и я, разумеется, не понял ни слова. Судя по эмоциям, все было предсказуемо: Эберхард в чем-то увлеченно убеждал Гиммлера и лицо того постепенно из брюзгливо-скептического превращалось в снисходительно-согласное. Карстен не лез на рожон и лишь уверенно и с достоинством отвечал на вопросы. Разобравшись с липовым герром Кауфманом, Гиммлер повернулся ко мне. Английского рейхсфюрер не знал и разговор происходил через Юргена.

– Почему по-английски? – глубокомысленно спросил рейхсфюрер – Почему не по-русски?

– Я не говорю по-русски, партайгеноссе – хмуро заметил Юрген.

Ну, это-то я понял и без перевода.

– А откуда он знает английской? – не унимался рейхсфюрер – Ты откуда английский знаешь, а? Может ты шпион и работаешь на британских империалистов?

Юрген, не долго думая, перевел.

– Посмотрите на меня господин рейхсфюрер – нагло заявил я – Разве я похож на развращенного британца? Вы, с вашей проницательностью, не можете этого не видеть.

Не знаю, как Эберхард ему это перевел, но лесть подействовала.

– Ладно – проворчал Гиммлер – Звать-то как?

– Николай Венедиктович Сидоренко – ответил я, напирая на экзотично-длинное отчество, которое тут-же сам себе придумал.

Это было ошибкой.

– Бенедиктович? – переспросил он, делая ударение на последнем слоге – Еврей?

В его голосе прозвучал неподдельный ужас. Наверное, с 33-го года он не видел евреев вблизи и ужаснулся тому, что один из них подкрался так близко. Гиммлер даже невольно оглянулся на охранников.

– Венедиктович – поправил его Карстен, делая нужное ударение – Это православное славянское имя. Отца господина Сидоренко звали Венедикт.

– Ну, хорошо – рейхсфюрер понемногу приходил в себя – Объясни нам Сидоренко (тут он опять переврал ударение), чем могут помочь Рейху твои древние славяне?

– Позвольте сначала вопрос, господин рейхсфюрер? – он барственно кивнул и я продолжил – Правда ли что, как утверждает господин Эберхард, ваши люди нашли место особой сакральной силы на Украине?

Я намекал на Винницу, не решаясь озвучить это название, ведь предполагалось, что я этого не знаю. Гиммлер недовольно покосился на Юргена, но все же утвердительно кивнул.

– Так вот, согласно моим исследованиям, в тех же местах должен храниться легендарный меч-кладенец, захороненный там отступающим отрядом Евпатия Коловрата.

Весь этот бред я придумал ночью, ворочаясь от бессонницы, а утром согласовал его со своими подельниками. Мои два хождения в средневековую киевщину и последующие блуждания по сети позволяли мне свободно нести эту околонуучную чушь. Не давая рейхсфюреру опомниться, я начал рассказывать об Евпатии Неистовом, который умудрялся со своим малым войском биться на равных с огромной монгольской армией. Несомненно, он добился этого с помощью сакрального оружия, ведь не могли же славяне сами по себе проявить такую доб-

лесть. Вы ведь согласны со мной, господин рейхсфюрер? И та аномалия, которую обнаружили ученые Аненэрбе, есть ни что иное, как эманации древнего артефакта.

Гиммлер был отнюдь не дурак, но, как оказалось, искренне верил в эту белиберду и эта вера его подвела. Пара археологических терминов, брошенных Юргеном, добавили убедительности. Помогла и ссылка на архивы Смоленского Кремля (таких архивов в природе не существовало), авторитетно озвученная Карстеном. Эти архивы якобы были найдены солдатами Вермахта, но пущены ими на пипифакс, так что липовому Кауфману удалось спасти лишь одну папку, в которой и оказалась запись о славном мече, сделанная монахом, соратником Евпатия. Теперь мы втроем собирались искать этот источник силы во славу Вермахта и Германии.

Как бы то ни было, но совместными усилиями нам удалось его убедить. Гиммлер распорядился выдать нам пропуски от Аненэрбе: оказывается, по специальному распоряжению рейхсфюрера, их могли получить не только члены СС, но и «сочувствующие». Кроме этого мы должны были получить подъемные и суточные в рейхсмарках, а также талоны на бензин и прочие блага.

– Хайль Гитлер! – строго сказал Гиммлер напоследок и снова лениво махнул рукой.

– Зиг хайль!

Карстен вытянулся в струну, как полагается, но получилось у него не слишком изящно, наверное из-за отсутствия практики. Юрген отсалютовал машинально, как автомат, а я снова ограничился поклоном.

Сейчас самым безопасным было бы смыться и предоставить Юргену оформлять документы. Но Гиммлер вальяжно махнул вахтерам и перед нами распахнули турникет. Пришлось отправиться на экскурсию по Аненэрбе. К счастью, в небольшой по размерам штаб-квартире кроме администрации располагались всего два отдела: отдел Ближнего Востока и Зондеркоманда «Н», занимающаяся исследованиями ведовских процессов. В отделе Ближнего Востока я заметил несколько книг на иврите, явно из сожженных синагог, а в зондеркоманду мы не пошли. Потом Юрген повел нас на склад, где нам выдали серое эсэсовское обмундирование: брюки, кители, шинели и сапоги. Это была не какая-нибудь там полевая форма, ничем, кроме петлиц не отличимая от обмундирования Вермахта. Нет, то была парадная форма, с огромными накладными карманами на френче и штанами-галифе, которые следовало заправлять в сапоги. Я испугался было, что придется раздеваться для примерки и таким образом может обнаружиться моя еврейская сущность, но обошлось; раздеться нас не заставили, подобрав форму на глазок. Петлиц на форме нам с Карстеном не полагалось, так как мы были всего лишь «кандидатами» на благородную роль членов СС. На прощание нас еще раз сфотографировали для документов. Наконец, мы с Карстеном выбрались из Аненэрбе, которое уже начало казаться мне логовом и залезли в «Опель».

Теперь Карстен смог передать мне свой разговор с Гиммлером. Признаюсь, разговор этот, если верить Карстену, не отличался изысканностью форм и глубиной содержания. Археология и история рейхсфюрера не интересовали.

– Что это ты такой чернявый? – спросил он – Иностранная кровь?

– Моя мать итальянка, партайгеноссе рейхсфюрер – отработовал Карстен – Она из Южного Тироля.

– Итальянка – это хорошо, это приемлемо. Но никаких Южных Тиролей и Тиролей вообще – отрезал партайгеноссе – Есть и будет только Великий Рейх.

Карстен прекрасно помнил что Рейху оставалось жить чуть более двух лет, как и самому Гиммлеру, но бодро выкрикнул:

– Разумеется, рейхсфюрер.

– То-то же.

На самом деле мать Карстена была боснийкой.

– Во мне, кроме арийской крови, течет еще не то славянская, не то турецкая – рассказал он мне – Мама говорила, что у них под Мостаром сам черт ногу сломит, если начнешь разбираться с родословными. Она была красивая и отец ее очень любил. «Сапер ошибается только один раз», говорил он и добавлял, глядя с улыбкой на маму: «Но на этой mine я подорвался и не жалею». Они и познакомились-то, когда он разминировал ее деревню. Когда отец погиб, мама прожила еще полтора года и тоже умерла. Она совсем не болела, просто не смогла жить...

Тем временем, как мы узнали позже, Юрген успешно оформил все документы, включая наши удостоверения временных сотрудников Аненэрбе. Со всеми этими бумагами он понесся к Гиммлеру, который подписал их не глядя да еще и пожелал ему успехов в его трудах во славу Рейха. Теперь мы были легализованы и до поры до времени могли чувствовать себя в относительной безопасности. Но радоваться было рано: еще неизвестно было, что ждет нас впереди. Самого рейхсфюрера ждали два года поражений и ампула с цианистым калием.

Стреляющие кирпичи

*Им не помочь, тебе уже их не спасти,
Здесь нам с тобой дано лишь наблюдать.
Ведь в этом роль твоя на скорбном том пути
Так стисни зубы и терпи, солдат.*

Вам приходилось когда-либо водить антикварный «Опель-кадет» по дорогам нацистской Германии? Вряд-ли... А вот мне довелось. Вскоре после визита в Аненэрбе и знакомства с рейхсфюрером, наш автомобиль уже бодро пожирал километры и лимитированный бензин по пути на восток. Наши сопроводительные бумаги нагло заверяли что податели сего выполняют исключительно важное задание во славу Рейха. Конечно, бумага все стерпит и такой внушительный текст мог бы только вызвать подозрения у любого мало-мальски мыслящего патрульного. Мог бы, если бы не печать Аненэрбе под хорошо известной в СС, да и во всей Германии подписью. Красивым, размашистым почерком, с аккуратным наклоном и подчеркивающей чертой, там значилось: «*Himmler*». Не забыта была даже точка над *i*. Вот эта-то точка и открывала нам все двери. Правда, два кандидата в эсэсовцы на таком важном задании выглядели несколько подозрительно. Поэтому, Юрген купил нам петлицы в ближайшем берлинском магазине военной одежды. Теперь я, как и Карстен, стал «манном» – рядовым СС с простыми черными погонами. Сам же Юрген, будучи унтерштурмфюрером, носил погоны с серебряным шитьем и темно-зеленой окантовкой. Такая окантовка означала «зондерфюрера», то есть специалиста невоенной профессии. Признаюсь, археолога в погонах я ожидал встретить лишь в страшном сне, или, что по сути то же самое, в нацистской Германии.

Унтерштурмфюреру, при наличие рядовых, не полагалось самому водить машину, поэтому пришлось выбирать между мной и Карстеном. Выбор был прост, потому что фиктивный герр Кауфман в глаза не видел ручную трансмиссию, несмотря на то что был европейцем, а вот мне-то как раз приходилось водить армейский «Хаммер». В результате за руль сел я, а Юрген с картой на коленях выполнял роль программы-навигатора. «Опель-кадет» – это отнюдь не гиммлеровский «Майбах» и все же я начал лучше понимать тех, кто всем автомобилям предпочитает немецкие. Мотор гудел ровно, без перебоев, а к рулю без гидроусилителя я быстро привык и даже начал получать удовольствие от германских автобанов. Но со скоростной дороги на Штеттин мы вскоре свернули на более скромное шоссе, ведущее в сердце той страны, которая еще недавно была Польшей. Езда на «Опеле» по хорошо уложенному асфальту расслабляла, но все же это была враждебная страна и во мне начали пробуждаться давно забытые инстинкты. Внезапно, откуда-то из глубины подсознания выскочила мысль о том, что открывающиеся назад дверцы «Кадета» открывают прекрасный сектор обстрела. Было это, впрочем, совершенно бессмысленно, так как оружия у нас все равно не было, если не считать юргеновский «вальтер» без патронов, да и подпись рейхсфюрера была посильнее иного пулемета. К тому же, на территории Германии блокпостов мы не встретили. Ситуация изменилась после того, как мы пересекли границу Генерал-Губернаторства. Теперь это была оккупированная территория, обильно украшенная постами полевой жандармерии. Фельджандармы, со своими опереточными горжетами, украшенными имперским орлом, смотрелись совсем как в кино и меня не покидало чувство нереальности и несерьезности происходящего. Иногда я ощущал себя кем-то вроде персонажа бесконечного и нудного сериала про войну, который всегда побеждает врагов последним патроном в последний момент. Но бдительности терять не следовало и, разглядев еще издали очередной полосатый шлагбаум, я спешил разбудить Юргена или Карстена. Вдали от Бранденбурга австрийский говор последнего уже не смущал никого, наша форма смотрелась великолепно, сапоги были начищены до блеска, а подпись Гиммлера

открывала все шлагбаумы. Поэтому мы немного осмелели и на одной из остановок я научил Карстена справляться с ручной трансмиссией. Теперь можно было и немного подремать в пути, так как польские дороги, хоть и уступали по качеству германским, но тоже были неплохи.

Европейские расстояния невелики и через пару часов после пересечения границы мы уже въезжали в Познань. На нас быстро навалился ранний зимний вечер и предложение поужинать было встречено с энтузиазмом. Как-то раз я побывал в Познани и кафе на площади Свободы оставило после себя не самое плохое впечатление. Вроде бы то кафе гордилось своей историей, уходящей в довоенные времена, и мы решили это проверить. И действительно, кафе уже существовало, но поужинать там нам не удалось. Когда мы туда подъехали, на фронто́не неоклассического здания прямо под вывеской «Кафе Аркадия» висела табличка «*Nur für Deutsche*¹³», а на самом здании висел красно-белый флаг, но отнюдь не польский, а перечеркнутый черной свастикой. Юрген с сомнением посмотрел на меня и мы решили не нарываться. Кроме того, нам еще следовало найти ночлег, потому что ночью на польских дорогах можно было запросто напороться на партизан одной из нескольких конкурирующих армий. В лесах скрывались бойцы просоветской «Армии Людовой», отряды «Армии Крайовой», банды «Народовых Сил Збройных» и прочие, более мелкие формирования. Каждый боец таких отрядов не задумался бы и на секунду, прежде чем зарезать человека в эсэсовской форме, и я их за это не винил. Но и с ночевкой было не так все просто. Парадоксальным образом нам были одинаково опасны как солидные центральные отели так и придорожные гостиницы. В приличном отеле следовало ожидать слежку и Гестапо могло обратить на нас, в особенности на меня, слишком пристальное внимание. В придорожных же гостиницах, ввиду отсутствия охраны, нас ждали неприятности от поляков. После недолгих размышлений мы все же решили остановиться в солидном отеле. Там, решили мы, нас будет хоть как-то защищать росчерк рейхсфюрера. Ничем похожим для поляков мы не располагали. Поэтому мы начали медленно объезжать площадь по брусчатке, посматривая по сторонам. Надо было, конечно же, спросить, но мы боялись привлечь внимание своей эсэсовской формой. На площади, которая теперь называлась Вильгельмплац, гостиниц не обнаружилось и Карстен свернул в узкую улицу. На углу я заметил указатель «Нойештрассе»¹⁴

¹³ Только для немцев (нем.)

¹⁴ В наши (с Арье) дни – ул. Падеревского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.